Театръ и Искусство

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО".

Съ доставк. и пересылк. на годъ 6 р., на полг. 3 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.
Личн. объясн. по вторникамъ отъ 3—5 дня.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

1897 г. 1-й годъ изданія. **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.** ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16-го Ноября.

СОДЕРЖАНІЕ: По поводу одного слуха. — Къ вопросу о литературной конвенціи. — Отъ Редакціи. — О красотѣ физической и духовной. Проф. *Сикеттти*. — «Потонувшій Колоколъ». *М. Южнаго*. Музыкальныя замѣтки. *Н. Ки-скаго*. — О новомъ балетѣ «Дочь Микадо» *Н. Ф.* — Къ постановкѣ Эрнани. — *М. Карпьева*. — Хроника театра и искусства. — Письмо изъ Москвы *А. К—ля*. Страница изъ жизни (окончаніе). Алф. Доде. — Замѣтки — *Nono nonis'a*. — За границею. — Театральная провинція. — Провинціальная лѣтопись. — Репертуаръ Императ. театровъ. — Объявленія.

№ 46.

Рисунки: 3 наброска перомъ худож. Ан-скаго къ статьѣ «Дочь Микадо», 3 рисунка къ разсказу А. Доде; Декоративные мотивы Вѣнскаго Бургъ-театра. Портреты: Аполонскаго, Куличевской, Меты Іегеръ.

Литер.-драм.отдѣлъ. «Якорь Спасенія» (Ma Cousine) ком. въ 3 дѣйст. Мельяка. перев. А. А. Нильскаго.

Открыта подписка на 1898 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО"

Цѣна на годъ . . . . . 6 р.
„ „ полгода . . . . . 4 р.

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и по 2 рубля 1-го Марта и 1-го Іюня.

С.-Петербургъ, 16 ноября.

Въ газетахъ промелькнулъ слухъ о томъ, что министерство финансовъ ассигнуетъ 25 тыс. руб. на постройку народнаго театра въ Петербургѣ. Широкіе взгляды С. Ю. Витте на задачи министерства финансовъ дѣлаютъ этотъ слухъ вполнѣ вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдствія этой мѣры, несомнѣнно, благотворно отразились бы на продуктивности фабричнаго труда, ибо дознано какое значеніе имѣетъ нравственное состояніе рабочаго въ его прямомъ дѣлѣ.

Слухъ этотъ кажется намъ вполнѣ вѣроятнымъ также и по болѣе близкимъ основаніямъ. Какъ извѣстно, въ будущемъ году въ Петербургѣ вводится казенная продажа питей, стало быть, вступаютъ для Петербурга въ силу общія постановленія о попечительствахъ народной трезвости, которыя, по мысли С. Ю. Витте, должны содѣйствовать отвращенію народа отъ усиленнаго потребленія спиртныхъ напитковъ. Несомнѣнно, что лучшей мѣры въ этомъ направленіи нельзя придумать. Влеченіе къ спиртнымъ напиткамъ—мы не говоримъ ни объ алкоголикахъ, ни о пьяницахъ, восполняющихъ алкоголемъ и его мнимо-бодрящею силою отсутствіе достаточнаго питанія — чаще всего имѣетъ своимъ основаніемъ неудовлетворенность фантазіи, жаждущей отдохнуть и разсѣяться отъ мелочей будничной жизни. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, полуштофъ есть обратная сторона общественной скуки, и развлеченіе, это необходимое лекарство духа, дѣйствуетъ отвлекающимъ образомъ, въ самомъ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ. Ибо есть и другой способъ вліянія, посредствующій и болѣе медленный, который выражается въ облагораживающемъ дѣйствіи театра на характеры, привычки, міросозерцаніе людей. Но это вліяніе учесть труднѣе, тогда какъ вліяніе перваго рода сказывается немедленно и съ очевидностью.

Такимъ образомъ, щедрая субсидія министерства финансовъ дѣлу народнаго театра является мѣрою въ высшей степени цѣлесообразною и благовременною. Если слухъ оправдается — чему бы такъ хотѣлось вѣрить—то петербургское попечительство трезвости получитъ изъ рукъ казны могущественное средство дѣятельнаго воздѣйствія на народные нравы. Желательно поэтому, чтобы попечительство было живой организаціей, и чтобы въ составъ его вошли лица компетентныя и преданныя театральному дѣлу. Въ противномъ случаѣ, субсидія сослужитъ мало пользы. Было бы, напримѣръ, вполнѣ естественнымъ, если бы въ составъ попечительства были приглашены представители Русскаго Театральнаго Общества, опытные и извѣстные артисты, представители театральной критики и т. п. Еще задолго до открытія дѣйствій новаго театра, опредѣленія репертуара и составленія труппы, является необходимость въ такихъ компетентныхъ руководителяхъ. Какъ построить зданіе? Безъ сомнѣнія, встрѣтится, особенно среди лицъ, не стоящихъ

близко къ театральному дѣлу, и такой взглядъ, что лучше-де выстроить въ разныхъ частяхъ города нѣсколько театровъ меньшаго размѣра, нежели одинъ, но основательный. Какъ извѣстно такой взглядъ уже высказывался. Между тѣмъ этотъ взглядъ ошибочный. Дѣло народнаго, т. е. общедоступнаго театра сразу размѣнивается, такъ сказать, на мелкую монету. Такихъ предварительныхъ вопросовъ встрѣтится не мало. Будутъ голоса о необходимости построить театръ въ спеціально-фабричной мѣстности и т. п. Наконецъ, архитектура и расположеніе зданія играютъ также немаловажную роль. Печальный опытъ перестройки Большого театра въ помѣщеніе для консерваторіи у всѣхъ предъ глазами. Вотъ почему, настоятельно необходимо, чтобы это дѣло — если ему суждено осуществиться и слухи о субсидіи вполнѣ достовѣрны—сразу попало въ надлежащія руки.

Какъ видно изъ дебатовъ въ «союзѣ писателей» по поводу доклада г. Южакова о международной литературной и художественной конвенціи, большинство нашихъ литераторовъ настроено противъ конвенціи. Большинство говорившихъ на поставленный вопросъ, справедлива ли конвенція или нѣтъ, отвѣчаютъ совершенно неожиданно: не выгодна! Итакъ, отъ того, что для русскаго просвѣщенія полезно существующее безправіе, должна страдать Франція и французское просвѣщеніе. Но быть можетъ, гг. русскіе писатели совершенно искренно ставятъ интересы просвѣщенія, интересы «народа» выше личнаго права. Допустимъ. Ну, а сами вы отрекаетесь отъ своихъ правъ, отдаете свой трудъ, свою собственность даромъ, для блага народнаго? Переводчики иностранныхъ сочиненій—за свой трудъ ничего не получаютъ? Издатели также имѣютъ въ виду одну филантропію?

Увы, такъ какъ ничего этого нѣтъ, то приходится заключить, что у гг. писателей имѣются двѣ справедливости, двѣ истины, и двѣ морали: одна, такъ сказать, для «внутренняго», другая—для наружнаго употребленія...

Какъ это называется—«марксизмомъ», «нео-марксизмомъ» или «народничествомъ», мы въ точности не сумѣемъ сказать, ибо путаемся въ терминологіи современныхъ писателей, не оставляющихъ своимъ вниманіемъ экономическіе вопросы. Но мы позволимъ себѣ замѣтить, что столь грубый взглядъ на международныя отношенія никоимъ родомъ не можетъ входить ни въ какую экономическую программу. На почвѣ *общечеловѣческаго союза* стояли тѣ самые экономисты, которыми вдохновляются наши писатели. Возставая противъ конвенцій, наши писатели возстаютъ противъ общечеловѣческаго союза, ибо ясно подчеркиваютъ отсутствіе единаго права для всѣхъ.

И наконецъ, допустимъ, что всѣ правы, а г. Яроцкій, этотъ Брентано нашей политической экономіи, правъ въ особенности. Но какое же мы имѣемъ право навязывать нашу точку зрѣнія другимъ? Что это за насильственное обращеніе въ вѣру народничества и экспропріаціи иностранныхъ писателей и художниковъ? Развѣ они пришли къ г. Яроцкому уму-разуму учиться? И развѣ г. Яроцкій судья праведный? «Я желаю получить по векселю», говоритъ Шейлокъ, и вы можете его презирать, Шейлока, а уплатить все таки нужно.

Стыдно. Правда, г. Чеховъ какъ-то выразился, что ему «стыдно» получать гонораръ. Но думается, гораздо стыднѣе не платить гонорара, когда его требуютъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ 1898 года редакція журнала „Театръ и Искусство“ имѣетъ намѣреніе приступить къ составленію ***критико-біографическаго словаря современныхъ дѣятелей сцены,*** *по возможности иллюстрированнаго. Успѣхъ подобнаго изданія, потребующаго не одного года работы, во многомъ зависитъ отъ сочувствія и дѣятельной поддержки самихъ сценическихъ дѣятелей. Поэтому редакція обращается ко всѣмъ* ***безъ изъятія*** *драматическимъ, оперными, опереточнымъ и балетнымъ артистамъ, драматическимъ писателямъ и композиторамъ, критикамъ и рецензентамъ, концертнымъ дѣятелямъ и дирижерамъ, художникамъ-декораторамъ и т. п. столичнымъ и провинціальнымъ дѣятелямъ, коихъ фамиліи (сценическія) начинаются на буквы А, Б и В. присылать въ редакцію біографическія и сценическія свѣдѣнія, а также имѣющійся литературный матеріалъ. По миновеніи надобности, весь матеріалъ будетъ возвращенъ съ благодарностью.*

Объ условіяхъ полученія выпусковъ словаря будетъ объявлено особо.

О красотѣ физической и духовной въ природѣ и искусствѣ.

Человѣкъ не только получаетъ впечатлѣнія отъ окружающаго міра, но и пытается давать себѣ въ нихъ отчетъ. Мы не только видимъ свѣтъ, слышимъ звукъ, но и желаемъ знать, что такое свѣтъ, что такое звукъ. Точно также мы не только любуемся красотой, но и интересуемся узнать, что она такое. Оптика занимается изслѣдованіемъ свѣта; акустика изучаетъ звукъ; эстетика пытается отвѣтить на вопросъ: что такое красота?

Слово „эстетика“ происходитъ отъ греческаго: „αἰσθάνομαι“ (т. е. чувствую, воспринимаю чувствами). Наука о красотѣ получила свое названіе оттого, что прекрасное не есть что либо отвлеченное, а наглядное: мы любуемся лишь тѣмъ, что воспринимаемъ нашими внѣшними чувствами.

Русское слово „красота“ намекаетъ на красный цвѣтъ. Въ русскихъ пѣсняхъ красавица зовется „красной“: „красная дѣвица“. Русскій языкъ угадалъ глубокую истину: начиная съ рѣчи Шеллинга „Объ отношеніи образовательныхъ искусствъ къ природѣ“ въ современной эстетикѣ устанавливается убѣжденіе, что одно изъ главнѣйшихъ условій красоты заключается въ проявленіи жизненности. Жизненная сила обнаруживается между прочимъ въ румянцѣ. Наоборотъ, блѣдность есть признакъ болѣзни или упадка жизненной энергіи или даже смерти.

Конечно, иногда блѣдность можетъ нравиться. Но это оттого, что мы живемъ не только жизнью физической, но и умственной, и нравственной. Для человѣка существуетъ не одна красота тѣлесная, но и духовная. Жизнь, всецѣло сосредоточенная на умственныхъ интересахъ, или богатая нравственными подвигами, можетъ ослабить тѣло. Поэтому, изъяны тѣла иногда служатъ признакомъ усиленной жизни ума и сердца, всего болѣе дорогой намъ, и кажутся ореоломъ духовной красоты. Нѣкоторыя болѣзни красятъ человѣка. Онѣ, уничтожая тѣло, эту физическую оболочку нашего духа, какъ бы содѣй-

ствуютъ его полному проявленію и освобожденію. „Все тѣло, пишетъ Розенкранцъ въ своей книгѣ „Aesthetik des Hässlichen“, уже само по себѣ не имѣетъ значенія и всецѣло становится выраженіемъ его покидающаго, независимаго отъ природы духа. Кому не случалось видѣть, какимъ свѣтомъ озаренъ видъ молодой дѣвушки или юноши, умирающихъ въ чахоткѣ? Оттого и смерть вовсе не есть непремѣнное условіе обезображиванія чертъ лица; напротивъ, она можетъ оставить прекрасное, блаженное выраженіе“ *).

Таковъ былъ мертвый Гете. Въ благородныхъ, возвышенныхъ чертахъ его лица рисовался глубокій, невозмутимый покой, и Эккерману показалось, что во лбу геніальнаго поэта таились еще мысли. Таковъ больной „*Спиноза*“, столь художественно изображенный Антокольскимъ, глубоко изучившимъ какъ личность, такъ и міросозерцаніе упомянутаго философа, жизнь и ученіе котораго были тождественны. Изнурено недугомъ тѣло великаго мыслителя; но на челѣ его отразилось убѣжденіе, что „всѣ явленія обычной жизни тщетны и ничтожны, и всѣ предметы, внушающіе страхъ, сами по себѣ не дурны и нехороши, а становятся таковыми постольку, поскольку они затрогиваютъ душу“. „И вотъ, пишетъ Спиноза, я наконецъ рѣшился искать, нѣтъ ли истиннаго добра, которое можно было-бы доставить людямъ, добра, способнаго всецѣло наполнить душу, послѣ того, какъ она отброситъ всякое другое благо,—словомъ добра, могущаго, разъ оно найдено, дать вѣчное и высшее счастье“ **).

Изъ „Этики“ Спинозы мы узнаемъ, въ чемъ заключается это высшее счастіе. „Такимъ образомъ, пишетъ онъ, въ жизни прежде всего полезно совершенствовать умъ или разумъ, и въ этомъ одномъ состоитъ величайшее счастье или блаженство человѣка; такъ какъ блаженство есть не что иное, какъ довольство души, проистекающее изъ интуитивнаго познанія Бога“ ***).

Жизненную силу мы ощущаемъ въ самихъ себѣ. Если мы живемъ въ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ, то ощущаемъ пріятное состояніе здоровья. Если же мы ее изучаемъ, слѣдимъ за ея отправленіями въ разныхъ органахъ нашего тѣла, какъ это дѣлаетъ физіологія, или за душевными явленіями, которыми занимается психологія, то мы жизненною силою научно интересуемся. Наконецъ, если мы созерцаемъ внѣшнія проявленія жизненной силы, напримѣръ: здоровье, разливающееся на щекахъ цвѣтущей дѣвушки, или проницательный взоръ мыслителя, прозрѣвающаго истину, или кроткое спокойствіе подвижника, совершившаго свой долгъ,—то мы этими проявленіями жизненной силы, какъ физической, такъ и духовной, эстетически любуемся.

Въ библіи сказано: „И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добро зело“.

Красота міра Божьяго заключается въ томъ, что онъ весь проникнутъ жизнью, а наука все болѣе и болѣе расширяетъ предѣлы жизни.

Астрономія учитъ, что своеобразною жизнью живутъ небесныя тѣла. Микроскопъ открылъ міріады живыхъ существъ тамъ, гдѣ прежде думали, что все мертво. Жизнь, дремлющая въ растительномъ мірѣ, пробуждается въ животномъ и достигаетъ апогея въ человѣкѣ, существованіе котораго наиболѣе полно и разнообразно. Не потому-ли онъ намъ и кажется самымъ прекраснымъ существомъ?

Впрочемъ, не всегда красота распредѣляется сообразно органической іерархіи. Иногда существо, занимающее высокую ступень на біологической лѣстницѣ, менѣе красиво, чѣмъ то, которое по своей простотѣ помѣщается гораздо ниже. Есть животныя, менѣе красивыя, чѣмъ растенія, бываютъ люди несравненно болѣе безобразные и отвратительные, чѣмъ животное.

Такъ, напримѣръ, нельзя и сравнивать прекрасную розу, величественный дубъ со свиньей, или чудную арабскую лошадь, умную, добрую собаку съ идіотомъ или кретиномъ.

Почему же свиньи, идіоты, кретины, хотя и живыя существа, не кажутся намъ такими отвратительными, такими безобразными? Причина въ томъ, что отъ нихъ, какъ отъ существъ со столь совершенною организаціею, мы ждемъ гораздо большаго проявленія жизни и жизни болѣе высокой, болѣе духовной, чѣмъ та, которую они обнаруживаютъ. Въ свиньѣ намъ претитъ исключительное господство животныхъ аппетитовъ. Даже Брэмъ, довольно благосклонно относящійся къ свиньямъ, кое-таки замѣчаетъ, что онѣ „очень прожорливы, упрямы, неловки и не проявляютъ привязанности къ человѣку“ *). Въ этомъ животномъ намъ противны его „*свинскія*“ наклонности.

Высшую степень отвращенія мы испытываемъ, когда ихъ замѣчаемъ въ людяхъ. Идіоты, кретины съ ихъ безсмысленными глазами, низкимъ лбомъ, отвислою нижнею губою, прожорливостью, поглощающею все безъ разбора, чувственностью, доходящею до изступленнаго звѣрства,—представляютъ диссонирующій контрастъ съ ихъ человѣческой организаціей. И чѣмъ она совершеннѣе, — тѣмъ отвратительнѣе проявленіе грязныхъ, животныхъ влеченій. Австралійскіе дикари считаютъ для себя великимъ счастьемъ, если на ихъ берегъ случайно выкинетъ мертваго кита. „Всѣ начинаютъ буквально проѣдать кита, копошась внутри его остова и отыскивая лакомые кусочки“. „Трудно представить себѣ что нибудь болѣе отвратительное, читаемъ мы у Леббока, какъ видѣть молодую, красиво сложенную туземную дѣвушку, вылѣзающую изъ гнилого китоваго остова“ **).

Но все-таки мы здѣсь видимъ естественное удовлетвореніе голода. Еще отвратительнѣе стремленіе людей, пресыщенныхъ излишествами, искусственно вызывающихъ въ себѣ животные аппетиты и усиливающіе наслажденіе противоестественнымъ удовлетвореніемъ. Такъ, напримѣръ, древніе римляне, во время своихъ пиршествъ, принимали рвотное, чтобы снова насладиться процессомъ ѣды. Лакированная внѣшность изысканной культурности, скрывающая пошлость, дряблость, развратъ и порокъ, еще сильнѣе оттѣняетъ нравственное безобразіе.

Л. Саккетти.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) Rosenkranz. Aesthetik des Hässlichen. Königsberg. 1853. S. 32—33.

**) De la réforme de l'entendement. Oeuvre de Spinoza tr. par Emile Saisset. Paris. 1842, Seconde serie, p. 275.

***) Бенедиктъ Спиноза. Этика, пер. подъ ред. проф. Модестова, изд. 2, стр. 291.

*) Брэмъ. Жизнь животныхъ. 1893 г. т. 3, стр. 548.

**) Сэръ Джонъ Леббокъ. Доисторическія времена, стр. 350.

„Потонувшій Колоколъ"

Пьеса Гауптмана—кто-бы что о ней ни говорилъ и какіе-бы недостатки въ ней ни находилъ—во всякомъ случаѣ вещь очень оригинальная.

Пьеса эта, прежде всего, сказка, и въ этомъ ея сила, въ этомъ ея прелесть; но вмѣстѣ съ тѣмъ она и драма, и въ этомъ ея слабость, въ этомъ недостатокъ. Конечно; Гауптманъ—не Шекспиръ, и его „Потонувшій Колоколъ" — не то что, „Сонъ въ лѣтнюю ночь". Но молодой авторъ могъ-бы, мнѣ кажется, дать больше того, что онъ далъ. Судя по первому впечатлѣнію, могу сказать, что главный и можетъ быть, единственный недостатокъ его пьесы—тотъ, что, взявъ сюжетомъ сказку, онъ не захотѣлъ, подобно Шекспиру, оставаться въ предѣлахъ сказочной поэзіи или поэзіи сказокъ, а еще поставилъ подъ нее идею. Отсюда—двойственность, неопредѣленность, туманность впечатлѣнія.

Если-бы авторъ далъ намъ—въ своихъ звучныхъ, мѣстами чудныхъ, строфахъ, полныхъ страсти, огня вдохновенія—только отраженіе горныхъ сказокъ, мы, зрители, которымъ изрядно надоѣла проза жизни, которымъ порядочно отравила существованіе всякія пошлости, которымъ дорого хоть на минуту оторваться отъ житейскихъ дѣлъ и дѣлишекъ,—мы съ затаеннымъ вниманіемъ, съ трепетнымъ біеніемъ сердца слѣдили-бы за нимъ, возносились-бы съ нимъ въ невѣдомые уголки и испытывали-бы полное наслажденіе, отдаваясь во власть новаго чародѣя. Но, къ сожалѣнію, Гауптманъ не захотѣлъ забыть, что онъ—писатель натуралистическаго толка и, въ жертву своему „приходу" принесъ лучшее, что было въ его поэтическомъ замыслѣ: онъ подвелъ подъ сказачный сюжетъ и сказочныя лица свои идеи—идеи, выработанныя концомъ скептическаго, все разлагающаго и все отрицающаго вѣка, и—впечатлѣніе разбилось, затуманилось. Поэзія тутъ разбавляется пухлыми фразами, и зритель испытываетъ только досадливое чувство. Вѣдь къ сказкѣ изъ насъ могъ-бы назвать какія угодно идеи разцвѣтить ее какими угодно узорами—каждый насъ сохранилъ-бы свободу пониманія и отдавался-бы полету собственной фантазіи; теперь мы идеями автора, которыя къ тому-же не всегда понятны, и такимъ образомъ сказка, превратившись въ „сказку-драму", потеряла много въ своей прелести

Оговариваюсь еще разъ, что сужу по первому впечатлѣнію, которое не могу считать окончательнымъ хотя бы по тому уже, что пьеса Гауптма явно потеряла отъ плохого исполненія главной роли, на которой держится, можно сказать, все. литейщика Генриха игралъ г. Сарматовъ... удивительный актеръ, который съ каждой ролью нравится все менѣе и менѣе. Онъ, если м такъ выразиться, играетъ на сценѣ не роли, а себя самого; одинъ и тотъ-же тонъ, какой-то протяжный, унылый, хныкающій тонъ, проходитъ черезъ всѣ роли его. Купецъ Молчановъ изъ „Расточителя", Антоній изъ „Юлія Цезаря", Маркъ Великолѣпный и, наконецъ, Генрихъ-литейщикъ, — все испорчено тѣмъ же тономъ, который à la langue просто гипнотизируетъ зрителя. Въ „Колоколѣ" г. Сарматовъ какъ будто задался цѣлью усыпить весь залъ и почти успѣлъ въ этомъ. А такъ какъ его роль — главная, то впечатлѣніе было въ конецъ испорчено, не смотря на то, что г-жа Яворская недурно справилась съ ролью Фен, гг. Яковлевъ и Высоцкій успѣли дать оригинальные образы водянаго и лѣшаго, а г. Бравичъ со своимъ чуднымъ голосомъ на минуту разбудилъ публику и заставилъ съ интересомъ прислушиваться его рѣчамъ. Если-бъ режиссеръ захотѣлъ послушаться добраго совѣта, я-бы предложилъ роль Генриха передать г. Бравичу (кстати литейщикъ вовсе не такъ молодъ, какъ это думаетъ г. Сарматовъ), а съ ролью пастора, вѣроятно, справится г. Тинскій. Отъ такой перемѣны исполненіе, мнѣ кажется, значительно выиграетъ.

Во всякомъ случаѣ о пьесѣ Гауптмана стоитъ поговорить особо, что я и постараюсь сдѣлать, когда увижу ее въ исполненіи нѣмецкой труппы, которая скоро начнетъ свои представленія—„Кто хочетъ судить поэта, долженъ пойти въ страну его".

М. Южный.

Большинство газетъ сходится на томъ, что „Потонувшій колоколъ" прошелъ безъ особеннаго успѣха. Публика, видимо, скучала. Въ этомъ газеты винятъ столько же самую пьесу, какъ и исполненіе. Въ мнѣніи о г. Сарматовѣ сошлись всѣ газеты, кромѣ, конечно, „Нов. Вр.". „Новое Время" находитъ, что „онъ прочувствовалъ трудную роль Генриха", тогда какъ по самому мягкому отзыву „Новостей" „особенность игры г. Сарматова на этотъ разъ: неестественность въ движеніяхъ, фальшь въ читкѣ и искусственная экзальтація и полное незнаніе роли". Мнѣнія объ игрѣ г-жи Яворской на этотъ разъ нѣсколько разнорѣчивѣе. Въ то время, какъ „Нов. Вр." находитъ, что г-жа Яворская „граціозна какъ коза", „Пет. Газ." „трогательна".—„Новости "находятъ, „что при своихъ голосовыхъ средствахъ и угловатости манеръ ей невозможно было олицетворить прелестное поэтическое дитя лѣсовъ". „Народъ" говоритъ: „г-жа Яворская безпомощно жалка, слоняясь безцѣльно и безсмысленно по сценѣ и тщетно пытаясь замѣнить внезапными завываніями отсутствіе чувства и поэзіи". Еще суровѣе приговоръ „Пет. Листка". Вообще исполненіе, по мнѣнію большинства, не стояло на высотѣ. О переводѣ г. Буренина „Новости" говорятъ: „г. Буренинъ позволилъ себѣ много „вольностей". Главное изъ нихъ то, что онъ совершенно обезличилъ тотъ характерный языкъ, которымъ выражается каждое изъ дѣйствующихъ лицъ. Возьмите у Гауптмана любую строфу его поэмы и вы тотчасъ-же угадаете, кто это говоритъ. Поэтическая Раутенделейнъ имѣетъ свой особый языкъ,—образный, изящный, Лѣшій—полонъ грубости и сарказма, пасторъ—реалистъ въ душѣ, выражается точно и сжато. У г. Буренина все это слилось въ одно. Быть можетъ, пасторъ, а быть можетъ — прусскій фельдфебель"... „Herold", мнѣніе котораго, на этотъ разъ особенно дорого, считаетъ неудачный переводъ, обезцвѣтившій поэтическій колоритъ сказки, главной причиной неуспѣха пьесы.

Музыкальныя замѣтки.

8 ноября исполнилась третья годовщина со дня смерти А. Г. Рубинштейна и память великаго художника была почтена экстреннымъ симфоническимъ собраніемъ, посвященнымъ исключительно произведеніямъ незабвеннаго композитора. Протестъ общественнаго мнѣнія противъ прошлогодней выходки г. Кюи, очевидно, возымѣлъ свое дѣйствіе.

У насъ сложилось упорное и явно несправедливое предупрежденіе противъ цѣлаго ряда композиторовъ, пользующихся громкою европейскою славою. Стоитъ лишь назвать ихъ имена—и наши музыкальные аристархи, а вслѣдъ за ними и музыкальная толпа, спѣшатъ скорчить самую презрительную гримасу. Замѣчательно, что не только мнѣніе насчетъ этихъ композиторовъ у всѣхъ одинаковое, но даже выраженія, которыми формулируется отзывъ, совпадаютъ до тождества. Очевидно, здѣсь дѣло не въ единодушіи мнѣній, а въ удобствѣ *формулы*, съ одной стороны, претендующей на глубокомысліе, и съ другой—избавляющей отъ утомительной необходимости ломать благородную голову. Шаблонъ—великая вещь и я думаю, что многія стерсотипныя сужденія, не только въ области музыки, но и въ сферѣ знанія и другихъ искусствъ, нерѣдко обязаны своимъ происхожденіемъ наличности готовой и ловкой формулы. Бороться съ такими предразсудками нелегко, прежде всего, уже потому, что они основаны на умственной лѣности и косности. Нужны исключительныя обстоятельства, чтобы взбудоражить общественную совѣсть и заставить ее загладить несправедливость. Обыкновенно такое отрезвляющее вліяніе производитъ смерть, вызывающая неожиданный взрывъ симпатій къ тому, котораго при жизни весьма ушикали и поносили.

Подобную перемѣну во взглядахъ я имѣлъ случай наблюдать во очію недавно, во второмъ квартетномъ собраніи, посвященномъ памяти Брамса. Для многихъ музыка Брамса въ этотъ вечеръ была положительнымъ откровеніемъ: вдругъ у этого замѣчательнаго композитора публика открыла необыкновенную свѣжесть вдохновенія, красоту музыкальныхъ мыслей, теплоту и сердечность мелодій. Какъ! Всю жизнь чуть-ли не всѣ поголовно признавали у насъ Брамса сухимъ педантомъ, музыкальнымъ схоластикомъ съ тусклымъ воображеніемъ и вымученнымъ творчествомъ. И вдругъ, какая неожиданная перемѣна! Понадобилась такая искупительная жертва, какъ смерть, чтобы разрушить предразсудокъ и сорвать завѣсу, скрывавшую отъ ослѣпленной толпы истину.

Къ числу несправедливо третируемыхъ у насъ, въ силу слѣпаго предубѣжденія, композиторовъ принадлежатъ еще крупнѣйшій современный музыкальный художникъ Максъ Брухъ и отчасти А. Г. Рубинштейнъ. Предъ Антономъ Григорьевичемъ принято было благоговѣть какъ предъ геніальнымъ піанистомъ, преклоняться какъ предъ великимъ музыкально-общественнымъ дѣятелемъ, но его композиторская дѣятельность признавалась сплошнымъ недоразумѣніемъ, которое можно было ему отчасти извинить единственно ради другихъ заслугъ.

У Рубинштейна, правда, былъ недостатокъ, присущій, впрочемъ, всѣмъ композиторамъ, которые, сочиняя много, въ тоже время не отдавались музыкальному творчеству исключительно, а занимались имъ урывками, въ кратковременныхъ промежуткахъ между разнообразными занятіями. У него чудныя страницы, полныя истинной поэзіи и музыкальной красоты, но временамъ утопаютъ въ массѣ общихъ мѣстъ, безсодержательнаго многословія и банальной виртуозности. Дѣло въ томъ, что музыкальное творчество требуетъ полнаго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ. У великихъ композиторовъ вся ихъ жизнь была непрерывнымъ творчествомъ. Бетховенъ, Моцартъ, Гайдинъ, Генделъ и мн. др. не знали ничего, кромѣ композиторства. Они непрестанно сочиняли, постоянно бурлилъ и клокоталъ въ нихъ неизсякаемый родникъ мелодій,—у нихъ все перевоплощалось въ звуки. Благодари такому сосредоточенію дѣятельности, ихъ и безъ того огромный талантъ настолько же выигрывалъ въ интенсивности, насколько терялъ въ экспансивности и они создавали произведенія, поражающія не только глубиною и мощью вдохновенія, но и цѣльностью и выдержанностью замысла. Рубинштейнъ трудился съ неутомимостью, характеризующею истиннаго генія, но музыкальному творчеству онъ посвящалъ лишь краткіе досуги своей тревожной артистической и общественной дѣятельности. При такихъ условіяхъ, и вдохновеніе осѣняло произведенія Рубинштейна лишь эпизодически. Но счастливыя его произведенія, въ связи съ изумительною плодовитостью и разносторонностью его творчества, несомнѣнно, обличаютъ въ немъ дарованіе первой величины.

Рубинштейнъ пробовалъ свои силы во всѣхъ музыкальныхъ жанрахъ, но наибольшей высоты достигъ онъ въ области ораторій. Его „Вавилонская Башня“, „Потерянный Рай“, „Суламитъ“, „Агарь въ Пустынѣ“ принадлежатъ къ замѣчательнымъ памятникамъ ораторіальнаго искусства. Въ нихъ нѣтъ ни религіознаго настроенія Баха, ни эпическаго духа Генделя. Сообразно съ духомъ времени, онѣ проникнуты болѣе *драматическимъ* характеромъ и чужды сложной полифоніи контрапунктистическаго стиля. Недаромъ Рубинштейнъ мечталъ о преобразованіи ораторіи въ *духовную оперу* со сценическою постановкою. Съ простотою и ясностью стиля, ораторіи Рубинштейна соединяютъ рѣдкую возвышенность настроенія и чарующую прелесть мелодій, полныхъ своеобразной красоты. Къ сожалѣнію, у насъ о Рубинштейнѣ, какъ о творцѣ ораторій, знаютъ очень мало, потому что, вообще, этотъ жанръ, такъ тѣсно связанный съ хоровымъ пѣніемъ, у насъ почти не культивируется. Для подтвержденія достаточно сослаться на слѣдующій фактъ. У насъ ораторіи ставятся даже не каждый годъ, тогда какъ въ Германіи въ рѣдкомъ городѣ проходитъ мѣсяцъ безъ того, чтобы не исполнялось нѣсколько ораторій. Такъ, напримѣръ, въ Бременѣ 7 Октября исполнялась ораторія Генделя „Самсонъ“ и 24 Октября „Четыре времена года“ Гайдна; въ Дюссельдорфѣ 20 Октября исполнялся „Мессія“ Генделя и 4 Ноября „Илія“ Мендельсона. А у насъ будетъ-ли исполняться въ настоящемъ сезонѣ какая нибудь ораторія—пока еще неизвѣстно.

Слабое знакомство съ ораторіями Рубинштейна, безъ сомнѣнія, является у насъ главнѣйшею причиною легкаго отношенія къ его композиторскому дарованію. Было-бы желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, наши консерваторіи, всецѣло обязанныя Рубинштейну своимъ возникновеніемъ и существованіемъ, брали на себя задачу ежегодно исполнять хоть по одной ораторіи Рубинштейна. Пора, наконецъ, ознакомить русскую публику съ его „Моисеемъ“.

Изъ произведеній Рубинштейна въ экстренномъ собраніи исполнялись: симфонія „Океанъ“ (въ первоначальной редакціи), f-дурный фортепіанный концертъ (г-жа Друкеръ), вторая часть ораторіи „Потерянный рай“ и арія изъ 3 дѣйствія оп. „Маккавеи“ (г. Тартаковъ).

Если ужъ исполнять не всю ораторію „Потерянный Рай“, а одну лишь ея часть, то правильнѣе было-бы выбрать первую, стоящую, въ музыкально-художественномъ отношеніи, неизмѣримо выше второй. Затѣмъ, безусловно необходимо было значительно усилить скудный хоръ Русскаго Музыкальнаго Общества. Благодаря тому, что хоръ помѣщенъ былъ въ глубинѣ сцены, позади оркестра, при убійственной акустикѣ консерваторскаго зала, пѣніе хора было едва слышно, а въ мѣстахъ ораторіи, проникнутыхъ величіемъ и мощью, производило жалкое впечатлѣніе. Г-жа Друкеръ сыграла фортепіанный концертъ такъ безцвѣтно и антихудожественно, какъ рѣдко приходилось мнѣ слышать даже въ дамскомъ исполненіи. Героемъ собранія былъ г. Тартаковъ. Этотъ превосходный пѣвецъ, въ качествѣ исполнителя романсовъ, не имѣетъ у насъ соперниковъ. По требованію публики, онъ долженъ былъ пѣть на bis нескончаемое число разъ.

* * *

Музыка къ балету „Дочь Микадо“ принадлежитъ творчеству молодого композитора, барона Врангеля. Это, если не ошибаюсь, первое крупное произведеніе начинающаго музыкальнаго автора.

Балетная музыка считается, почему-то, низшимъ видомъ музыкальнаго творчества. Между тѣмъ, рѣдкая отрасль предъявляетъ такія сложныя требованія композиторской техникѣ, какъ именно балетная музыка. Въ балетѣ музыка играетъ подчиненную роль. Центръ тяжести не въ оркестрѣ, а на сценѣ, въ хореографической части. Композиторъ долженъ рабски слѣдить за намѣреніями балетмейстера, ни на одну минуту не давая себѣ увлечь потоку музыкальныхъ идей. Хорошо, если балетмейстеръ самъ нѣсколько смыслитъ въ музыкѣ и до извѣстной степени принимаетъ въ разсчетъ музыкальныя требованія. Но, въ большинствѣ случаевъ, балетмейстеры въ музыкѣ круглые невѣжды. Не желая знать ничего, кромѣ своей хореографіи, они находятъ какое-то неизъяснимое наслажденіе въ томъ, чтобы терзать композитора вздорною придирчивостью. То, въ угоду хореографіи, композиторъ долженъ урѣзывать музыкальные номера на опредѣленное число тактовъ, то удлинять. При этомъ упускается изъ виду, что изъ всѣхъ отраслей искусства музыка наиболѣе архитектоническая, что разъ мелодія вылилась въ опредѣленное число тактовъ, то нельзя ее произвольно сокращать или удлинять, не нарушая всей ея музыкальной структуры. Да что балетмейстеръ! Машинистъ и тотъ командуетъ надъ музыкальною частью, распоряжаясь музыкальнымъ творчествомъ съ полною непринужденностью и безцеремонностью. — „Нельзя-ли прибавить — вдругъ заявляетъ машинистъ композитору—„*на аршинъ музыки*“

Неопытный по балетной части композиторъ, понятно, возмущается подобнымъ третированіемъ и весь вспыхиваетъ отъ негодованія.

— Я не прикащикъ въ суровской лавкѣ и музыка не миткаль—возражаетъ онъ въ сердцахъ.

Но оказывается, что требованіе машиниста, въ дѣйствительности, означаетъ слѣдующее: „прибавьте музыки, исполненіе которой заняло-бы столько времени, сколько требуется для поднятія или опусканія подвижной декораціи *на аршинъ*“. Извольте при такомъ механическомъ отношеніи, писать вдохновенную балетную музыку. Я твердо убѣжденъ, что если Чайковскому или Делибу удавалось писать къ балетамъ замѣчательную музыку, то это объясняется не только ихъ крупною талантливостью, но и импонирующимъ авторитетомъ ихъ имени, который удерживалъ капризную требовательность балетмейстеровъ и машинистовъ въ должныхъ границахъ. Я бесѣдовалъ недавно съ однимъ весьма даровитымъ молодымъ композиторомъ, который писалъ музыку къ балету, поставленному у насъ въ прошломъ году. Онъ не можетъ безъ содраганія вспомнить объ этой мрачной страницѣ своей жизни. Онъ далъ себѣ зарокъ никогда болѣе не писать балетной музыки и, я въ томъ увѣренъ, онъ сдержитъ свой обѣтъ.

Музыка барона Врангеля не блещетъ яркими достоинствами, она не захватываетъ слушателя и не заставляетъ васъ отрываться отъ сцены, чтобы сосредоточить свое вниманіе на музыкальной сторонѣ. Но она все время ласкаетъ слухъ, гармонически дополняя сценическое впечатлѣніе. Она сплошь благозвучна, ритмична и удобна для танцевъ. Фактура опрятная, оркестровый нарядъ безусловно элегантный. Вообще, на всемъ произведеніи лежитъ печать утонченнаго изящества и изысканнаго вкуса, быть можетъ, тѣсно связаннаго съ индивидуальностью композитора. Вамъ все время такъ и кажется, что вы попали въ аристократическій салонъ, гдѣ всякая рѣзкость жестовъ, интонацій, мысли тщательно избѣгается. Въ мѣстахъ лирическихъ это придаетъ музыкѣ отпечатокъ благородства, но въ ансамблях, требующихъ густыхъ красокъ и декоративнаго блеска, это обусловливаетъ дряблость, пустоту и однообразіе.

Мѣдь и ударные, попавъ въ аристократическое общество, видимо чувствуютъ себя не въ своей сферѣ. О, какъ хотѣлось-бы тромбону временами заревѣть! Какихъ неимовѣрныхъ усилій стоитъ эта скромная сдержанность трубѣ съ ея солдатскою откровенностью! Какъ охотно вырвались-бы мѣстами ударные со всѣмъ грохотомъ и шумомъ кучарской необузданности! Но... noblesse oblige...

На мой взглядъ, композиторъ поступилъ бы хорошо, переинструментовавъ ансамбли и придавъ имъ болѣе яркую звучность и болѣе мощный характеръ. Миніатюрная живопись неумѣстна тамъ, гдѣ требуется декоративная размашистость письма...

Въ общемъ, произведеніе г. Врангеля произвело весьма милое впечатлѣніе и было принято публикою съ искреннимъ радушіемъ. Надо надѣяться, что успѣхъ перваго опыта не дастъ молодому композитору почить на лаврахъ и заставитъ его съ неостывающимъ усердіемъ трудиться на поприщѣ музыкальнаго творчества

П. Ки—скій.

О новомъ балетѣ „Дочь Микадо“.

Въ воскресенье, 9-го ноября, на сценѣ Маріинскаго театра состоялось первое представленіе новаго балета „Дочь Микадо“. Написать удачное либретто для балета далеко не такъ легко, какъ, можетъ быть, кажется на первый взглядъ. Не говоря уже о драматической содержательности, либретто, прежде всего, должно давать матеріалъ балетмейстеру, а потому требуетъ отъ автора спеціальныхъ знаній и практическихъ свѣдѣній въ техникѣ композиціи балета. Вотъ почему, за недостаткомъ у насъ удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ либретистовъ, почти всѣ либретто нашихъ балетовъ сочинялись самими балетмейстерами, какъ лучшими спеціалистами въ сферѣ своего искусства. Либретто балета „Дочь Микадо“ написано также спеціалистомъ: оно принадлежитъ перу главнаго режиссера балетной труппы, г. Лангаммера. Интересный фантастическій сюжетъ, красоты и своеобразности японскаго стиля, обиліе разновидныхъ танцевъ,—все говоритъ за большую опытность либретиста. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать это—недостаточность драматическаго движенія въ послѣднихъ двухъ актахъ, сообщающая имъ характеръ дивертисмента. Занимство-

«Осень». (г-жа Гельцеръ).

вавъ сюжетъ изъ японской жизни, г. Лангаммеръ знакомитъ зрителя съ картинами японскаго быта, съ обрядами, народными празднествами. Все это, несомнѣнно, предетавляетъ этнографическій интересъ. Легенда о чудовищномъ драконѣ, похищающемъ дочь Микадо во время свадебнаго пира, взята изъ народнаго эпоса японцевъ. Объ этомъ воспѣтомъ народною лирикою драконѣ, похищавшемъ молодыхъ принцессъ и называемомъ японцами „Татсъмаки“ или „ужасомъ добрыхъ людей“, можно встрѣтить указанія и описанія не только у Netto, Митфорда, Кемпфера, но и у другихъ ученыхъ изслѣдователей японской культуры. Разумѣется, вполнѣ японскаго стиля балетъ не имѣетъ, да и имѣть не долженъ. Японское хореграфическое и музыкальное искусство, по своеобразности своихъ системъ и по оригинальности формъ, имѣютъ слишкомъ мало общаго съ творчествомъ европейскихъ народовъ. При такихъ условіяхъ строго выдержанный въ японскомъ стилѣ балетъ никогда не удовлетворилъ бы нашихъ художественныхъ вкусовъ и только разъ поразилъ бы насъ своею анти-художественною эксцентричностью. Изслѣдователи японскаго музыкальнаго искусства (Кемпферъ, Pigotti и др.) категорически утверждаютъ, что японская музыкальная система, по своимъ индивидуальнымъ свойствамъ, для насъ даже непонятна. Тоже самое можно сказать и про японскую хореграфію. Японскіе балетные танцы полны монотонныхъ формъ, лишены граціи и изящества, они мало выразительны, скучны и, по своимъ однообразнымъ рисункамъ, на насъ, европейцевъ, художественнаго впечатлѣнія оставить не могутъ. Хотя композиторъ баронъ В. Врангель въ музыкѣ и инструментовкѣ новаго балета, мѣстами, и обнаруживалъ стремленія къ восточному колориту, но отъ воспроизведенія японской музыки былъ очень далекъ. Тотъ же восточный колоритъ проглядываетъ и во всѣхъ танцахъ балета, поставленныхъ нашимъ талантливымъ балетмейстеромъ Л. И. Ивановымъ.

Постановка танцевъ для балета „Дочь Микадо“, несомнѣнно, стоила большаго труда. Съ одной стороны, относительное однообразіе характера танцевъ, вызванное стремленіемъ придать имъ восточный колоритъ, а съ другой стороны—необходимость придать этимъ танцамъ интересъ въ формахъ, освѣтить ихъ жизненнымъ выраженіемъ, и по мѣрѣ возможности, соблюсти для всѣхъ характерныхъ pas, этнографическую вѣрность, дѣлало задачу балетмейстера весьма сложною. Г. Ивановъ—надо отдать ему справедливость—вполнѣ удачно справился со своею трудною задачею и, благодаря своей художественной фантазіи и изобрѣтательности, достигъ блестящихъ результатовъ. Почти всѣ поставленные имъ танцы полны красоты, оригинальности, вкуса, и вызывали единодушные восторги публики въ продолженіи всего спектакля. Впрочемъ, успѣху танцевъ не мало содѣйствовали и исполнители, въ особенности классическихъ pas.

Говорить о блестящемъ техническомъ талантѣ г-жи М. Кшесинской 2-ой не приходится. Эта танцовщица, безспорно, одна изъ лучшихъ современныхъ русскихъ балеринъ и если бы она, при своей первоклассной техникѣ, обладала еще экспрессіею мимико-драматическаго таланта и болѣе тонкимъ артистическимъ чутьемъ, то навѣрно была бы одною изъ первыхъ балеринъ въ Европѣ. Вызывая бури восторговъ своими танцами, которые, дѣйствительно, пріятно поражаютъ зрителя и по чистотѣ техническаго рисунка, и по красотѣ граціозныхъ формъ, г-жа М. Кшесинская 2-я иногда, къ сожалѣнію, недостаточно обращаетъ вниманія на художественную отдѣлку своихъ мимико-драматическихъ сценъ. Вслѣдствіе этого, даже сильно драматическія сцены, въ исполненіи ея проходятъ какъ-то тускло и безцвѣтно. Роль Готару - Гиме, дочери Микадо, для исполнительницы даетъ слишкомъ большой и благодарный матеріалъ, а въ особенности сцена встрѣчи съ Іоротомо, во второмъ актѣ. Артистка, не лишенная внутренняго драматизма и выразительной мимики, можетъ произвести въ этой сценѣ глубокое впечатлѣніе. Впрочемъ, требованіе тонкихъ психологическихъ оттѣнковъ и жизненныхъ красокъ въ обрисовкѣ драматическихъ моментовъ героевъ балета врядъ-ли къ нашей балетной сценѣ даже и примѣнимо. Во всякомъ случаѣ, г-жа М. Кшесинская 2-я, какъ танцовщица, въ балетѣ „Дочь Микадо“ имѣла блестящій и вполнѣ заслуженный успѣхъ, а въ особенности въ adagio и варіаціяхъ во второмъ актѣ и piccicato въ третьемъ актѣ. Изъ другихъ классическихъ танцовщицъ прекрасное впечатлѣніе оставили солистки г-жи Куличевская, Преображенская, Гельцеръ, Рыхлякова 1-я и Обухова. Граціозно исполненныя каждою изъ названныхъ танцовщицъ классическія варіаціи сопровождались дружными рукоплесканіями и вызовами исполнительницъ. Въ особенности шумный успѣхъ выпалъ на долю г-жъ Преображенской, Куличевской и Гельцеръ. Г-жа Преображенская, благодаря прекрасной техникѣ и поэтическому тону своихъ танцевъ, вызвала въ трудной варіаціи, въ первомъ актѣ, единодушные аплодисменты всего театра и, по настойчивому требованію публики, варіація была повторена. Не менѣе пріятное впечатлѣніе оставила эта артистка и въ красивопоставленномъ танцѣ Jeu de papillon“ (съ г. Легатъ 3-мъ), которому талантливая танцовщица придала поэтическую образность, внесла въ него много граціи, легкости, изящества и, вообще, художественныхъ оттѣнковъ исполненія.

Что же касается до характерныхъ pas, то изъ нихъ наибольшій внѣшній успѣхъ выпалъ на долю „Danse de Yava“ (г-жа Скорсюкъ и г. Лукьяновъ) и „Danse de l'Hindoustan“ (г-жа М. Петипа 1-я и г. Векефи), которые и были биссированы. Я не скажу, чтобы шумный успѣхъ этихъ танцевъ былъ вполнѣ заслуженъ исполнителями. Г-жа Скорсюкъ, которую, безспорно, нужно признать за лучшую исполнительницу типичныхъ танцевъ, была въ названномъ танцѣ очень эффектна, внесла въ него много оригинальной красоты, огня и увлеченія, но, въ сущности, изъ благодарной темы этого танца многаго и новаго не создала. Г. Лукьяновъ же въ этомъ танцѣ произвелъ совсѣмъ невыгодное впечатлѣніе. То же самое, и даже въ большей степени, слѣдуетъ сказать и по адресу г-жи М. Петипа 1-ой. Нужно поражаться тѣмъ традиціоннымъ манерамъ съ которыми названная артистка исполняетъ индустанскій танецъ. На мой взглядъ, каждый характерный танецъ, прежде всего, долженъ имѣть свой *характеръ* и даже представлять, по возможности, точный этнографическій рисунокъ. Г-жа М. Петипа 1-я не только не обрисовываетъ характера своего танца, но даже не придаетъ ему восточнаго колорита, безъ котораго конечно, не можетъ быть и рѣчи о художественной сторонѣ исполненія. А если прибавить сюда вѣчныя заботы нашихъ балетныхъ артистокъ о красотѣ своей наружности въ ущербъ художественнымъ требованіямъ, упорное нежеланіе прибѣгать къ гримировальному карандашу, а также безформенность и тяжеловатость движеній исполнительницы, далеко не соотвѣтствующихъ типу и характеру самого танца, то оставленное г-жею М. Петипа 1-ою впечатлѣніе обрисуется само собой.

Въ общемъ, новый балетъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ; вся обстановка его, костюмы, декораціи и аксессуары,—полны роскоши, красоты и блеска. Группы и массовыя танцы поставлены удачно. Вызовамъ композитора, балетмейстера и даже либретиста не было конца. Спектакль не обошелся и безъ подношеній. Л. И. Ивановъ получилъ два вѣнка: одинъ серебряный другой—лавровый, а г-жѣ Кше-

1-ый актъ.

Знатная японская дѣвушка.

сиской 2-ой были поднесены цѣнная брошь, японскій вѣеръ работы художника Н. А. Богданова и цвѣты.

Въ заключеніе, не могу не сказать о прекрасномъ гримѣ гг. Легатъ 1-го и Легатъ 3-го и о непростительномъ отношеніи къ искусству гг. Гердта и Клекита, изображавшихъ японцевъ съ прическами à la канулъ! *П. Ф.*

По поводу постановки „Эрнани" В. Гюго.

Свою драму „Эрнани" В. Гюго задумалъ въ 1829 г. 1-го октября онъ читалъ ее уже артистамъ „французскаго театра". Трагедія была выслушана съ восторгомъ, роли въ ней были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Дона Соль — г-жа Марсъ, Донъ Рюи Гомецъ — Жоаннн, Эрнани — Фирменъ. Даже самыя незначительныя роли въ ней были поручены такимъ даровитымъ артистамъ, какъ Ренье, Самсонъ; даже роль пажа, состоящая всего изъ нѣсколькихъ стиховъ, взяла на себя г-жа Депрео, впослѣдствіи г-жа Аланъ, нѣсколько сезоновъ восхищавшая подъ этой фамиліею посѣтителей Михайловскаго театра своей безподобной игрою. Первыя репетиціи „Эрнани" были очень удачны. Артисты репетировали пьесу весьма согласно. Только одна г-жа Марсъ холодно отнеслась къ своей роли. Это весьма понятно: ей было тогда за шестьдесятъ лѣтъ. Привычка къ ролямъ, въ которыхъ она блестѣла въ своей молодости, естественно отталкивала ее отъ новой роли, сложившейся не по тому шаблону, къ которому она привыкла и который себѣ усвоила. Но, съ другой стороны, какъ женщина умная, она хорошо сознавала, что новая роль могла дать ей новый успѣхъ на ея сценическомъ поприщѣ, а потому она и не отказалась отъ нея. Какъ ни терпѣливо сносилъ В. Гюго всѣ капризы и мелочныя придирки этой заслуженной артистки, тридцатилѣтній успѣхъ которой на сценѣ давалъ ей полное право на уваженіе между актерами, но въ концѣ концовъ, онъ все-таки вышелъ изъ терпѣнія и на одной изъ репетицій, отозвавъ г-жу Марсъ въ сторону, прямо потребовалъ, чтобы она отказалась отъ роли. Это окончательно взбѣсило заслуженную артистку. Отнять роль у нея, у Марсъ! До сихъ поръ она сама обыкновенно отказывалась отъ ролей! Впрочемъ, сознавая свою вину, г-жа Марсъ дала слово В. Гюго, больше не мучить его. Она сдержала свое обѣщаніе, зато стала совершенно равнодушна, даже черезчуръ равнодушна къ роли, что отразилось даже и на другихъ исполнителяхъ трагедіи. Отношенія В. Гюго къ актерамъ сдѣлались неестественными и натянутыми; таковы же были его отношенія и къ литературному міру. Драматическіе писатели весьма косо смотрѣли на новичка, желающаго низвергнуть ихъ доктрины.

Желая во что бы то ни стало стереть съ лица земли этого смѣлаго новатора, они не пренебрегали никакими средствами. Подслушивали у дверей, или просто, подъ видомъ почитателей его таланта, приходили къ нему, и схвативъ налету одну какую нибудь подробность, одинъ стихъ, метались съ нимъ по Парижу, передавая его въ карикатурномъ видѣ. Въ числѣ ихъ было не мало людей, успѣвшихъ прославиться и занимавшихъ видное мѣсто во французской литературѣ того времени. Въ театрѣ „Водевиль" появилась даже пародія на „Эрнани", которая еще не была представлена. Вещь небывалая въ театральномъ мірѣ. Въ ней Донъ-Луи Гомецъ былъ выведенъ въ видѣ вожака медвѣди. Съ цензурой у В. Гюго было тоже не мало хлопотъ. Наконецъ все это было улажено. Оставалось обезпечить успѣхъ пьесы, при помощи рукоплесканій наемныхъ клакеровъ, что до сихъ поръ практикуется въ Парижѣ. Никакая пьеса не могла пройти благополучно безъ клаки, а „Эрнани" тѣмъ болѣе грозилъ неуспѣхъ, такъ какъ, казалось, много было настроено противъ ея автора. На клакеровъ французскаго театра, привыкшихъ рукоплескать Казиміру Дельвеню, трудно было разсчитывать. Директоръ предложилъ В. Гюго клакеровъ театра „Гимназіи". В. Гюго отклонилъ это предложеніе и скромно отвѣчалъ, что ненавидитъ наемную клаку. За недѣлю до представленія пьесы о ней сильно заговорили въ печати. Друзья автора, юные писатели, художники и типографщики предложили ему свои руки и захотѣли занять мѣста въ театрѣ раньше начала представленія. Въ день спектакля у театра образовалась толпа молодежи, поражавшая прохожихъ оригинальностью своихъ костюмовъ. Въ три часа двери театра открылись. Толпа хлынула и заняла мѣста въ театрѣ. И тутъ между присутствующими началась оживленная бесѣда. Послѣ продолжительныхъ споровъ заговорили о постановкѣ пьесы, о ея достоинствахъ и недостаткахъ, о ея автора, о его прошломъ, о его будущемъ. Но вотъ раздался звонокъ, и занавѣсъ поднялся.

Р. Б. Аполонскій.

рили желудки: подумали объ обѣдѣ. Къ счастію, многіе изъ юныхъ клакеровъ принесли съ собой кой-какіе припасы. Успѣхъ пьесы возросталъ по мѣрѣ хода дѣйствія, тріумфъ автора раздѣляли г-жа Марсъ и др. Марсъ въ пятомъ актѣ забросали цвѣтами. Первое представленіе пьесы было въ субботу; въ понедѣльникъ, въ день ея втораго представленія, уже появились неблагопріятные отзывы о ней и пьесѣ предсказывали полное паденіе: Гюго грозили даже свистками. Онъ опять не захотѣлъ приглашать клакеровъ; надо было снова обращаться къ друзьямъ. Не успѣли поднять занавѣсъ, какъ произошелъ скандалъ. Цѣлая туча бумажекъ полетѣла съ верху и упала на головы зрителей. Бумажки эти были намазаны клеемъ. Публика была раздражена этой выходкой, и каждый стихъ драмы сопровождался громкими писканьями. Третье представленіе пьесы было также неудачно. Пьеса все-таки выдержала сорокъ шесть представленій. Черезъ восемь лѣтъ, когда „Эрнани“ была возобновлена и имѣла шумный успѣхъ, двое изъ присутствующихъ въ театрѣ, выходя изъ него, вели между собою слѣдующую бесѣду: „Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что оппозиція восемь лѣтъ тому назадъ „Эрнани“ имѣла, теперь успѣхъ—авторъ ее передѣлалъ въ ней всѣ стихи“.—„Ошибаетесь, отвѣчалъ ему его спутникъ—измѣнилась не драма, а публика“.

М. А. Кирѣевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

По словамъ „Прав. Вѣсти.“ артистъ Московской оперы г. Корсовъ имѣлъ счастье въ пятницу, 7-го ноября, представляться Его Императорскому Величеству.

* * *

Комиссія, засѣдавшая при академіи художествъ по вопросу объ авторской художественной собственности, на дняхъ закончила свои занятія. Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій комиссіи надо считать признаніе авторской собственности за фотографами и художниками на равныхъ основаніяхъ съ писателями.

* * *

Какъ намъ сообщаютъ теперь окончательно выяснилось, что оп. „Фераморсъ“ Рубинштейна не будетъ въ настоящемъ сезонѣ поставлена на сценѣ Маріинскаго театра. Постановка „Фра-Діаволо“ отвлекла все вниманіе оперной администраціи. Репетиціи „Донъ-Жуана“ подвигаются весьма успѣшно. Дирекція намѣрена въ этой операѣ блеснуть особенною роскошью постановки, которая должна даже въ деталяхъ напоминать исполненіе оперы въ парижской „Grand-Opera“. Между прочимъ, въ оперу вводится балетъ, музыка для котораго набрана изъ произведеній Моцарта.

* * *

Какъ мы предсказывали, частная русская опера покончила свое существованіе въ залѣ Павловой. Въ настоящее время она подвизается только на сценахъ Приказчичьяго клуба и Благороднаго Собранія, но и тамъ не привлекаетъ особеннаго вниманія публики и держится лишь благодаря субсидіи отъ клуба и гарантіи опредѣленнаго минимума дохода. Результатъ очень печальный, но неизбѣжный при данной системѣ веденія дѣлъ.

* * *

По слухамъ, на предстоящихъ Рождественскихъ праздникахъ въ Александринскомъ театрѣ будетъ данъ рядъ утреннихъ спектаклей исключительно для учениковъ петербургскихъ учебныхъ заведеній.

Это очень хорошая мѣра. По словамъ газетъ, будутъ ставиться пьесы нашихъ классиковъ, а также отрывки балетовъ (!). Мы большіе поклонники хореографіи, но сомнительно, чтобы „скакавіе въ лайковыхъ штанахъ“, по выраженію Гоголя, содѣйствовало прохожденію курса среднеучебныхъ заведеній.

* * *

Русское театральное общество, состоящее подъ Августѣйшимъ Государя Императора покровительствомъ, выдало въ минувшемъ году нуждающимся артистамъ и ихъ семействамъ періодическихъ пособій на 5.603 руб. 36 к., кромѣ того, обществомъ оказаны пособія на 700 р. изъ особыхъ суммъ учрежденныхъ при обществѣ убѣжищамъ для престарѣлыхъ артистовъ. За обученіе дѣтей 7 артистовъ въ провинціальныхъ и столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также за содержаніе и домашнее воспитаніе пяти артистовъ уплачено и выдано 507 руб.; ежемѣсячныхъ пособій и пенсій бывшимъ артистамъ Императорскихъ и частныхъ театровъ выдано на 776 руб. за содержаніе одного престарѣлаго артиста уплачено 72 рубля; по заявленіямъ другихъ лицъ о нуждахъ артистовъ оказано пособій 91 лицу на 3.988 р., въ томъ числѣ 13 отставнымъ артистамъ и артисткамъ Императорскихъ театровъ, не получающихъ пенсіи—511 рублей.

* * *

Въ концѣ ноября состоится въ Петербургѣ большой симфоническій концертъ, устраиваемый подъ покровительствомъ австрійскаго посла князя Радолина съ благотворительною цѣлью. Въ качествѣ дирижера приглашенъ Гумпердинкъ.

* * *

Мы слышали, что К. Н. Фоломѣевъ, авторъ «Злой Ямы», оканчиваетъ въ настоящее время новую пьесу въ 3 дѣйст., которую предполагаетъ назвать—«Въ деревнѣ». Пьеса бытовая. Двѣ главныя роли — женскія.

* * *

Любопытная новость. Труппа театра Неметти собирается сдѣлать «турнэ» по привислянскому краю нынѣшнимъ постомъ. Во главѣ предпріятія стоятъ гг. Ленни и Казанскій. По нашему мнѣнію, затѣя едва-ли удачная. Въ Петербургѣ много лицъ, страдающихъ разстройствомъ пищеваренія, а потому они ищутъ механическаго раздраженія и идутъ въ театръ Неметти смѣяться. Въ провинціи же желудки здоровые и едва-ли глупые фарсы могутъ имѣть успѣхъ у публики, остающейся безъ русскаго театра цѣлый сезонъ. Въ карлсбадской соли тамъ еще пока не нуждаются.

* * *

Труппа берлинскаго «Lessing-Theater» выступитъ впервые въ залѣ консерваторіи въ воскресенье, 16-го ноября. Для перваго спектакля идетъ комедія Блюменталя и Кадельбурга: «Hans Hukebein» и «Abu-Seid». Для второго спектакля въ понедѣльникъ, 17-го ноября, «Die berühmte Frau».

* * *

Мета Іегеръ.
Премьерша «Лессинг-Театра».

Внезапная болѣзнь М. Г. Савиной еще больше спутала репертуаръ Александринскаго театра, и безъ того потерпѣвшій не мало измѣненій благодаря болѣзни В. Ф. Комиссаржевской.

* * *

Здоровье В. Ф. Комиссаржевской быстро поправляется. Артистка уже встала съ постели, а недѣли черезъ двѣ можно надѣяться увидѣть ее на сценѣ. Въ первый разъ послѣ болѣзни, г-жа Комиссаржевская выступитъ 27-го ноября въ „Незаприданницѣ", 4-го декабря предполагается ея участіе въ „Джентльменѣ", въ бенефисѣ г. Сазонова, а 11-го декабря въ „Волшебной сказкѣ", Потапенка.

* * *

Въ Москвѣ сегодня въ первый разъ выступаетъ въ «Родинѣ» г-жа Тина де Лоренци, о которой реклама шумитъ уже чуть ли не полгода. Въ Москвѣ артистка дастъ 5 спектаклей послѣ чего переберется къ намъ въ Петербургъ.

* * *

П. П. фонъ-Дервизъ предпринялъ постройку аудиторіи для народныхъ чтеній и театра во дворѣ принадлежащаго ему дома, на углу 12-й линіи и Средняго проспекта Васильевскаго Острова. Зданіи будутъ окончены постройкою къ веснѣ будущаго года, а открытіе театра и аудиторіи послѣдуетъ, по слухамъ, будущею осенью.

* * *

Здоровье балерины г-жи Леньяни поправляется. Талантливая балерина выступитъ, въ первый разъ, въ балетѣ «Конекъ-Горбунокъ».

* * *

Въ Петербургѣ народился еще одинъ общедоступный театръ. На углу Англійскаго проспекта и Мойки, 124, въ театрѣ Ново-Адмиралтейской столовой начало давать драматическія представленія товарищество актеровъ. Для открытія (9-го ноября) была поставлена «Гроза» Островскаго, потомъ пойдетъ «Царская невѣста» и проч. Предпріятіе разсчитано на небогатую публику. Цѣны на мѣста отъ 7 коп. до 1 р. 10 к. Труппа подобрана старательно.

* * *

Сегодня бенефисъ талантливой танцовщицы г-жи Кульчевской, одной изъ лучшихъ представительницъ „классической" хореографіи. Бенефисъ назначенъ г-жѣ Кульчевской за 20 лѣтъ службы.

Г-жа Кульчевская.

По слухамъ, въ непродолжительномъ будущемъ состоится бенефисъ балетмейстера Л. И. Иванова.

* * *

Репетиціи балета „Раймондъ" уже начались. Первое представленіе этого балета назначено на 7 января. Танцы ставитъ балетмейстеръ М. И. Петипа.

* * *

Мы получили отъ Н. Ф. Арбенина, переводчика „Графъ де Ризоора" слѣдующее письмо: „Мнѣ только что доставленъ новый каталогъ изданій Театральной библіотеки С. О. Разсохина. Въ этомъ каталогѣ на стр. 5-ой значится: „Графъ де Ризооръ" (Предательница) Др. Сарду перев. А. Френкель. Дозволена къ представленію на всѣхъ сценахъ. Интересно бы знать, чѣмъ руководился г. Разсохинъ выставляя самовольно на переводѣ г. Френкеля не принадлежащее этому переводу заглавіе да еще рекомендуя пьесу какъ „дозволенную" къ представленію?—Еще разъ заявляю къ свѣдѣнію гг. антрепренеровъ, что пьеса „Графъ де Ризооръ" дозволена къ представленію *только* въ моемъ переводѣ".

Какъ мы слышали вся эта исторія, запарившаяся съ легкой руки г. Соловцова — послужитъ матеріаломъ для интереснаго судебнаго процесса.

* * *

14 ноября въ Кононовскомъ залѣ состоялось открытіе спектаклей устраиваемыхъ г-жею Е. Шабельской. Шла драма Фр. Гальма „Любви Границы", въ переводѣ г-жи Шабельской. Пьеса написана на тему новеллы Боккачіо о Гризельдѣ. Та-же новелла, какъ извѣстно, послужила основой и для французской драмы Армана Сильвестра „Гризельда", которая въ прошломъ году шла на сценѣ такъ называемаго литературнаго театра. Какая громадная разница въ разработкѣ сюжета!.. У Сильвестра изощренная, вымученная феерія, гдѣ имѣется все кромѣ здраваго смысла, у Гальма рядъ поэтическихъ сценъ дышащихъ вдохновеніемъ и красотой. Г-жа Шабельская трогательная, полная ласки и привѣта Гризельда. Поставлена пьеса очень недурно.

* * *

Маріинскій театръ. За послѣднее время на нашей казенной сценѣ преобладающій интересъ представляютъ дебюты г-жи Больска и появленіе г. Фигнера въ роли Андрея въ „Опричникѣ". Г-жа Больска, съ каждымъ своимъ выходомъ завоевываетъ все большія симпатіи публики; повидимому, неопредѣленное впечатлѣніе, которое она производила въ первыхъ своихъ дебютахъ, слѣдуетъ приписать какимъ нибудь независящимъ отъ дарованія артистки обстоятельствамъ, заставившимъ ее даже какъ-то разъ отмѣнить спектакль. Недавно она выступила въ роли Татьяны,—роли, которую она провела съ рѣдкимъ умѣньемъ и естественностью. Въ ея исполненіи болѣе всего подкупаетъ не большой, но гибкій и красивый голосъ и замѣчательная чистота интонаціи, что такъ рѣдко встрѣчается у нашихъ лирическихъ сопрано. Остальные артисты г-жи Долина (Ольга), Фриде (няня), гг. Ершовъ (Ленскій) и Яковлевъ (Онѣгинъ) содѣйствовали ансамблю. Г. Ершову можно посовѣтовать болѣе умѣло распоряжаться своими выдающимися голосовыми средствами: верхніе звуки у него сдавлены, вслѣдствіе чего мѣстами голоса не слышно не только за оркестромъ, но даже въ ансамбляхъ; къ тому еще у артиста не достаточно ясное произношеніе. Въ общемъ, въ его исполненіи какъ вокальномъ, такъ и сценическомъ—чувствуется отсутствіе строго выдержанной школы. Насколько же она важна можно судить, сравнивъ этого пѣвца съ г. Фигнеромъ въ тѣхъ же роляхъ: несмотря на небольшой голосъ, г. Фигнеръ, гдѣ нужно, свободно покрываетъ хоръ и оркестръ, не говоря уже о ясной дикціи и до мельчайшихъ тонкостей художественной передачѣ.

Въ „Опричникѣ" г. Фигнеръ еще разъ блеснулъ вышеупомянутыми качествами, не только сдѣлавъ свою роль болѣе жизненною, но и придавъ большій интересъ всѣмъ ансамблямъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не проходитъ безъ участія Андрея.

Опера „Опричникъ" принадлежитъ къ типу „opera seria", а не національныхъ оперъ, какъ, почему-то многіе, предполагаютъ. Взятый изъ русскаго историческаго романа, сюжетъ придаетъ ей только въ бытовыхъ сценахъ народный характеръ, къ слову сказать, переданный Чайковскимъ замѣчательно вѣрно, какъ, напримѣръ, замѣчательный хоръ въ началѣ 3-го дѣйствія или свадебный пиръ, чудныя пляски и финалъ въ послѣднемъ актѣ. Сцены же съ общимъ характеромъ, если и носятъ кое-гдѣ ліріо-

нальный колоритъ, то исключительно вслѣдствіе индивидуальности самого композитора, но не вслѣдствіе требованія характера оперы совершенно также, какъ въ „Аидѣ“ или „Отелло“ сцены общаго свойства (любви, гнѣва, раскаянья и т. д.) носятъ характеръ индивидуальности Верди, или „въ Африканкѣ“—Мейербера и т. д. Равнымъ образомъ всѣ мнимые „недостатки“ въ „Опричникѣ“, какъ общія заключительныя формулы, частыя повторенія словъ и цѣлыхъ фразъ, дуэты и другіе ансамбли, нарушающіе связь съ общимъ ходомъ дѣйствія, неумѣстно затягивающіе отдѣльные эпизоды, основаны не на порокѣ въ творчествѣ Чайковскаго, а вытекаютъ изъ особенностей даннаго стиля и присущи, вообще, формѣ т. н. большой оперы (opera seria). Но, сама по себѣ, опера „Опричникъ“, благодаря оригинальности и красотѣ мелодическаго рисунка, эффектной и характерной оркестровкѣ, густой и звучной гармонизаціи и захватывающему сценаріуму, можетъ стать на ряду съ лучшими представительницами этого жанра, который, что бы ни говорили приверженцы современной „музыкальной драмы“, не отжилъ свой вѣкъ.

Э. Н. Борманъ.

* * *

4-го ноября новочеркасскій театръ торжественно отпраздновалъ 25-лѣтній юбилей артиста М. И. Михайлова. Торжество это носило въ высшей степени теплый и сердечный характеръ: оно было сплошнымъ проявленіемъ глубокихъ и искреннихъ симпатій со стороны артистовъ и многочисленной публики, наполнявшей театръ.

Чествованіе совершилось въ антрактѣ. Занавѣсъ поднялся, и публика увидѣла юбиляра, окруженнаго всей труппой артистовъ. Театръ огласился громкими, долго не смолкавшими аплодисментами, громъ которыхъ сливался со звуками туша, исполняемаго оркестромъ. Какъ только смолкли аплодисменты, режиссеръ труппы А. П. Соколовскій подошелъ къ юбиляру и обратился къ нему съ небольшой по прочувствованной рѣчью:

«Дорогой Михаилъ Ивановичъ!

Сегодня въ нашей артистической семьѣ большой праздникъ: сегодня мы празднуемъ такія имянины, которыя бываютъ въ 25 лѣтъ только одинъ разъ. Сегодня мы скромно собрались поздравить васъ съ 25-ти-лѣтнимъ юбилеемъ вашей сценической дѣятельности. Двадцать пять лѣтъ безпрерывной честной актерской работы,—работы нервной, кипучей,- великое дѣло, выйти побѣдителемъ изъ этой работы — задача не легкая. Вы 25 лѣтъ съ честью высоко несли знамя нашей родной сцены. Сцена есть отраженіе художественной правды, театръ - школа жизни, это—необъятная художественная академія, гдѣ вы 25 лѣтъ были профессоромъ-художникомъ.

Послѣдніе годы моей сценической дѣятельности тѣсно связаны съ вами, и я съ гордостью могу сказать: дай Богъ побольше такихъ честныхъ тружениковъ. Съ ними дорогой намъ театръ не умретъ и быстрыми шагами достигнетъ высокихъ ступеней развитія. Сегодня вамъ шлютъ привѣтствія со всѣхъ концовъ обширной Россіи ваши товарищи и почитатели вашего таланта. Среди нихъ мое поздравленіе — капля въ морѣ, но я прошу васъ принять его какъ дань уваженія къ вашей двадцатипятилѣтней безупречной сценической дѣятельности. Да, я отъ чистаго сердца привѣтствую тебя, прекрасный артистъ, славный товарищъ и хорошій человѣкъ, отъ души желаю, чтобы вы еще много-много лѣтъ служили на пользу родному намъ искусству, и на память объ этомъ высокознаменательномъ днѣ прошу принять отъ товарищей эту бездѣлку. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады...

Затѣмъ г. Соколовскій подалъ юбиляру золотые часы—подарокъ новочеркасской труппы. Растроганный до слезъ юбиляръ, въ короткихъ словахъ поблагодаривъ оратора, поцѣловалъ его. „Въ вашемъ лицѣ я благодарю и цѣлую всѣхъ моихъ товарищей“, — закончилъ онъ свой отвѣтъ. Антрепренеръ ростовской драматической труппы Н. Н. Спиридьниковъ, привѣтствуя М. И. Михайлова отъ лица всѣхъ артистовъ своей труппы и отъ себя лично, преподнесъ ему два подарка: серебряный вѣнокъ—отъ артистовъ и брелокъ съ брилліантомъ—отъ себя. Дальше слѣдовали подарки: отъ антрепренера новочеркасской труппы. С. И. Крылова—лавровый вѣнокъ съ золотою цѣпью, отъ публики—сторублевый билетъ и чайный серебряный приборъ, отъ галлереи и балкона—6 серебряныхъ чарокъ.

Наконецъ, членъ правленія новочеркасскаго музыкально-драматическаго общества Н. Н. Ткачевъ привѣтствовалъ юбиляра рѣчью отъ лица правленія этого общества. Провозглашая здравицу въ честь юбиляра, г. Ткачевъ передалъ ему два бокала—подарокъ правленія общества.

М. И. Михайловъ получилъ массу поздравительныхъ телеграммъ, которыя и были прочитаны артистомъ Вадимовымъ. Привѣтствія присланы изъ Петербурга отъ нашей редакціи, изъ Москвы, Харькова, Кіева, Воронежа, Нахичевани—отъ дирекціи общества любителей драматическаго искусства, Ростова, Таганрога, Александровска-Грушевскаго — отъ музыкально-драматическаго кружка, Екатеринодара, Самары, Вологды, Гродно, Казани, Ярославля — отъ дирекціи и труппы театра, Риги, Астрахани и пр.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Во второмъ симфоническомъ собраніи г. Сафоновъ познакомилъ насъ съ новинкою „Водяной“, симфоническою поэмою чешскаго композитора Дворжака. Она написана на программу слѣдующаго содержанія. Надъ озеромъ несется пѣсня водяного. Въ ней онъ высказывается о своей женитьбѣ. Утромъ къ озеру приходитъ дѣвушка, купается и тонетъ. Она дѣлается женою водяного и приноситъ ребенка. Часто ее гложетъ тоска по землѣ, и вотъ она отпросилась у водяного. Проходитъ много времени, дѣвушка не возвращается. Водяной начинаетъ сердиться, призывать ее, но ничто не помогаетъ. Тогда онъ мститъ тѣмъ, что подбрасываетъ растерзаннаго ребенка къ жилищу дѣвушки. Текстъ взятъ изъ баллады Эрбена, воспользовавшагося народною легендою. Нѣкоторыя мѣста программы, пожалуй, поддаются музыкальной иллюстраціи. Зато остальныя подробности служатъ лишь безполезнымъ балластомъ. Въ общемъ, однако, симфонической поэмѣ нельзя отказать въ выразительности и эффектномъ оркестровомъ колоритѣ, но главное ея единство — цѣльность настроенія. Талантъ Дворжака далеко не самостоятельный, чаще всего у него чувствуется вліяніе Мендельсона и Вагнера. Изъ оркестровыхъ произведеній въ концертѣ исполнялись еще серенада для струннаго оркестра Чайковскаго и увертюра къ „Ріенци“ Вагнера. Произведенія эти слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться.

Въ качествѣ солистовъ въ концертѣ выступали нашъ новый профессоръ г. Сапельниковъ и пѣвица Марковичъ, оба хорошо извѣстные музыкальному Петербургу. Г. Сапельниковъ плѣнилъ слушателей d-moll'нымъ концертомъ Шумана, гдѣ его нѣжная, тонкая игра вполнѣ гармонировала съ поэтичнымъ колоритомъ произведенія. Г-жа Марковичъ не удовлетворила москвичей тусклымъ тембромъ голоса и холоднымъ исполненіемъ, особенно бросавшимся въ глаза въ такихъ романсахъ, проникнутыхъ бурнымъ настроеніемъ, какъ „Оставь меня“ Давыдова, „Ты не любишь меня“ Клюи и „Морская царевна“ Бородина. Лучше всего артисткѣ удались стансы изъ оперы „Сафо“ Гуно, требующіе плавности и спокойствія въ пѣніи. Въ этихъ произведеніяхъ г-жа Марковичъ обнаружила музыкальность и художественный вкусъ.

Г. Щуровскій продолжаетъ свои общедоступныя утра въ историческомъ музеѣ. Въ четвертомъ изъ нихъ пришлось познакомиться съ артистами, не выступавшими у насъ ранѣе. Первое мѣсто въ ряду ихъ должно быть отведено г. Корещенко, піанисту и композитору. Онъ удачно сыгралъ полную чудныхъ красотъ d-moll'ную сонату Бехтовена (ор. 90). Исполненныя имъ пьесы собственнаго творчества, принадлежатъ къ салонному жанру: онѣ изящны, блестящи и слушаются съ интересомъ. Очень понравилась мнѣ грузинская рапсодія г. Корещенки. Въ ней много интересныхъ техническихъ, чисто фортепіанныхъ деталей въ листовскомъ духѣ, мѣстами сквозитъ вдохновеніе, темы заимствованы изъ грузинскихъ пѣсенъ Грузіи, а обработка обличаетъ руку опытнаго техника. Впечатлѣнію пьесы вредитъ длинноты и чрезмѣрное обиліе фортепіанныхъ пассажей шаблоннаго характера. Интереснымъ артистомъ оказался также басъ. г. Лосевъ. У него basso cantante, мягкаго тембра. Романсы—„Дона предковъ“ Листа, „Засохшій цвѣтокъ“ Шуберта, „Меджа“ Гуно онъ исполнилъ весьма мило съ чувствомъ. Г-жа Мшанская-Соколова музыкально спѣла молитву изъ „Геновевы“ Шумана, а на bis, совмѣстно съ г-жей Кедровой, дуэты Мендельсона—„Нину“ и „Прощальную пѣснь цыганокъ“.

8-го ноября минула третья годовщина со дня смерти А. Рубинштейна. Геніальный художникъ, столь много потрудившійся для насажденія у насъ музыкальныхъ учебныхъ заведеній, не былъ даже помянутъ оффиціальными обществами, и только одинъ г. Щуровскій напомнилъ москвичамъ о незамѣнимой утратѣ. На утрѣ въ память Рубинштейна публики было мало, да, по правдѣ сказать, ни имена артистовъ, ни программа не представляли ничего интереснаго. Теноръ Приваловъ дилетантски грубо спѣлъ строфы изъ оперы „Нероны“ и русскую пѣсню „Дуютъ вѣтры“ Рубинштейна. Плоховато спѣли и г-жа Кедрова пѣсню изъ оперы „Дѣти степей“. Выгоднымъ контрастъ представляло исполненіе г-жею Мшанской-Соколовой романсовъ того же автора „Новая любовь“ и „Пандоры“. Г-жи Кедрова и Соколова очень хорошо спѣли прекрасный дуэтъ „Свѣтитъ солнышко“, полный очаровательной прелести по своему сердечному настроенію и русскому

характеру, а въ заключеніе еще дуэтъ „Дѣвки по лугу гуляли".

8-го же ноября начались симфоническія собранія филармоническаго общества. Первое изъ нихъ выдавалось уже тѣмъ, что въ немъ франкфуртскій дирижеръ г. Когель поставилъ симфонію „Манфредъ" Чайковскаго, не исполнявшуюся у насъ лѣтъ девять, со времени дирижерства г. Эрдмансдерфера. Это яркое произведеніе произвело на публику глубокое впечатлѣніе. Не удовлетворило насъ только исполненіе симфоніи. У г. Когеля страдала не только духовная сторона выполненія, но и чисто звуковая. Зато блестяще г. Когель сыгралъ „Venusberg" Вагнера и очень мило арію и гавотъ изъ „Concerto grosso" Генделя въ собственной передѣлкѣ и „Тамбуринъ" Глюка. Принимавшая участіе пѣвица-сопрано Роза Эттингеръ, пользующаяся въ Германіи громкою извѣстностью, зарекомендовала себя артисткой крупной величины. Колоратура ея изумительная, голосъ высокаго тембра, отличается замѣчательною гибкостью. Верхними нотами г-жа Эттингеръ щеголяетъ. Въ кантиленѣ романсовъ Шуберта, Шумана и Гольдмарка замѣтна тусклость тембра вслѣдствіе преобладанія закрытыхъ, глухихъ нотъ. Въ ея жанрѣ чисто виртуозныя пьесы, вродѣ легенды изъ „Лакме" или аріи изъ «Филимона и Бавкиды» Гуно. Въ нихъ она производитъ блестящее впечатлѣніе. *Ив. Ипполитовъ.*

* * *

Концертъ г. Думчева. 12 ноября въ залѣ Кредитнаго общества состоялся второй концертъ г. Думчева. И здѣсь молодой скрипачъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы произвести впечатлѣніе виртуоза, оставляя въ тѣни музыкально-художественныя требованія. Старанія артиста увѣнчались успѣхомъ только на половину. Рядомъ съ проблесками недюжинной виртуозности появлялись грубые технические недочеты. Но самое важное то, что музыкальная передача г. Думчева оставляетъ слушателя равнодушнымъ. Молодому артисту слѣдовало бы обратить вниманіе на серьезный репертуаръ и посвятить себя преимущественно камерной музыкѣ, для которой у него есть достаточная техническая подготовка и пѣвучій смычокъ.

Принимавшая участіе въ концертѣ г-жа Залѣсская безцвѣтнымъ исполненіемъ совершенно обезличила прелестную фантазію Шопена, полную яркихъ красокъ. За то она со вкусомъ и изяществомъ исполнила рядъ мелкихъ произведеній: красивый этюдъ (cis-moll) Скрябина съ эффектною первою темою, пустяжную пьесу Кюи (Romanzella), написанную въ духѣ безсильнаго подражанія Шуману, и блестящую „Campanella" Листа, сдѣланную съ рѣдкимъ изяществомъ вкуса и виртуознымъ блескомъ. Вообще, въ сферѣ дарованія молодой піанистки лишь мелкія произведенія изящнаго колорита. *Н. Ки.*

* * *

Послѣдняя недѣля богата открытіями. Такъ, открылся театръ г-жи Бренко на который многошумная реклама возлагала не Богъ вѣсть какія надежды. Надо сознаться, къ сожалѣнію, что открытіе нельзя назвать особенно удачнымъ. „Влюбленная", была разыграна довольно слабо. Г-жѣ Писаревой-Звѣздичъ для трудной роли графини не доставало прежде всего физической силы. Изъ остальныхъ исполнителей можно назвать только г. Лапскаго, повидимому, актера подающаго надежды. Гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе оставило открытіе спектаклей новой антрепризы въ благородномъ собраніи. „Флиртъ" прошелъ очень весело съ большимъ ансамблемъ. Изъ женскаго персонала выдѣлились г-жа Маковская, очень недурная актриса на характерныя роли, хотя еще малоопытная, хороша была молодая артистка г-жа Ивина. Изъ мужскаго персонала надо отмѣтить прежде всего г. Фатѣева, создавшаго изъ эпизодической роли Скрипицина—цѣлый образъ, и г. Скарятина очень горячо сыгравшаго свою роль. Очень рады констатировать, что молодой актеръ дѣлаетъ успѣхи. Вполнѣ приличенъ былъ г. Волковъ-Семеновъ, поставлена пьеса въ режиссерскомъ отношеніи хорошо.

* * *

Благотворительный спектакль въ Коноповскомъ залѣ (Вторая молодость) въ среду прошелъ скандально. Поставленные на афишѣ артисты не явились, вѣроятно ввиду благотворительной цѣли спектакля. Отъ полнаго провала спасла спектакль г-жа Глѣбова.

* * *

С.-петербургское Общество трезвости съ декабря мѣсяца будетъ ставить русскіе спектакли въ «Пальмѣ».

* * *

Г. Кремлевскій прислалъ намъ изъ г. Острова афишу, изъ которой явствуетъ, что ни онъ, ни другіе названные въ корреспонденціи изъ Гельсингфорса артисты, не участвовали въ труппѣ г. Черепова, и зачѣмъ они названы неизвѣстно.

Декоративные мотивы.
(Віанскаго „Burg-Theater")

Письмо изъ Москвы.

Въ среду я смотрѣлъ въ московскомъ Маломъ театрѣ новую пьесу М. И. Чайковскаго „Ворцы". Это та самая пьеса, которую раньше авторъ предполагалъ назвать „Ванька-встанька", но по зрѣломъ размышленіи переименовалъ въ „Ворцы". Я пріѣхалъ на второй день послѣ перваго представленія, и въ публикѣ, и въ газетныхъ отзывахъ встрѣтилъ очень много лестнаго по адресу г. Чайковскаго. Я даже обрадовался этому, хотя никогда не вѣрилъ въ геній г. Чайковскаго. Но это кажется, въ первый разъ москвичи не отвергли петербургскаго автора, они, столь преданные издѣліямъ своего роднаго драматургическаго Манчестера. А г. Модестъ Чайковскій - петербургскій авторъ, о, какой петербургскій!.. О г. Модестѣ Чайковскомъ мнѣ приходилось писать неоднократно, и каюсь, я былъ къ нему суровъ. Въ немъ, при несомнѣнной наблюдательности и если угодно, при несомнѣнномъ дарованіи, есть какая-то удивительная поверхностность, какой-то чисто-петербургскій букетъ салоннаго дилетантизма. Онъ очень „сюперфлю", какъ говорятъ приказчики Гостинаго двора, когда хотятъ оттѣнить достоинство легкой матеріи. Въ его произведеніяхъ анекдотъ всегда преобладаетъ надъ идеею, характеромъ, образомъ, тенденціею, и такъ какъ при этомъ онъ очень „сюперфлю" и до извѣстной степени, по выраженію Достоевскаго, „потерялся на обожаніи большаго свѣта", то случается, это приводитъ къ самымъ курьезнымъ и забавнымъ послѣдствіямъ. Такъ, „День въ Петербургѣ"—это апологія земскаго начальника, перенесеннаго въ обстановку Чацкаго и Альцеста. Такъ, „Боязнь жизни" представляетъ апофеозъ безусаго правовѣда или лицеиста, долженствующаго изображать Чайльдъ Гарольда или по крайней мѣрѣ, Печорина.

Наконецъ, еще черта въ г. Чайковскомъ: онъ чрезвычайно усиленно читалъ, надо полагать, въ юные годы англійскіе романы, и преимущественно мистрисъ Брэддонъ. Вотъ почему, онъ раздвояется, такъ сказать, у всѣхъ на глазахъ. Рядомъ съ попытками рисовать жизнь, какъ она есть или если этого много — какъ она представляется, рядомъ съ наблюденіями, порою, живыми и сочными, онъ непремѣнно припутаетъ какую нибудь исторію въ вычурной манерѣ англійскихъ романистовъ. Ната въ „Боязни жизни" любитъ брата съ „пыломъ обожанія", но это потому, что хотя всѣ его считаютъ братомъ, и она сама, и онъ самъ такъ думаютъ, но въ дѣйствительности, онъ не братъ, а пріемышъ, и любить его можно грѣховной любовью. Ну, къ чему это? Я не говорю, что это не можетъ случиться, хотя въ теорію „голоса крови" я плохо вѣрю,—но что это доказываетъ? Какая въ этомъ назидательность, какой общій смыслъ?

Совершенно такая же исторія повторяется въ его „Борцахъ". Сама по себѣ мысль г. Чайковскаго заслуживаетъ вниманія. Герой пьесы, Галкинъ, проходимецъ чистой воды, но съ тѣмъ оттѣнкомъ великорусскаго лукавства, добродушнаго лицемѣрія и пріятной покладистости, которыя весьма часто украшаютъ „дѣтей народа". Онъ говоритъ, что у него душа на распашку, что дѣйствуетъ онъ, какъ „простакъ по простецки", а въ дѣйствительности каналья пресестественная, эгоистъ, деспотъ и вдобавокъ еще сластолюбецъ. Цѣлый рядъ забавныхъ эпизодическихъ сценъ знакомитъ насъ съ обстановкою его жизни и съ пріемами, которые онъ практикуетъ. Тутъ и баронесса, очень добродушная баронесса, которая считаетъ себя умной и потому глупа вдвойнѣ, и которую онъ нагло обираетъ, тутъ и его фактотумъ — Дилигентовъ — кстати, лицо хорошо задуманное и весьма недурно выполненное г. Чайковскимъ — тоже каналья, но въ другомъ родѣ изъ пришибленныхъ, пресмыкающихся и въ глубинѣ души ненавидящихъ. Тутъ и семья Галкина — дочь, племянница, которая, въ интересахъ эмансипированной интриги, оказывается вовсе не племянницей, и воспитанникъ Павленко, студентъ—впослѣдствіи молодой докторъ, и князь Ветлужскій, добрый и глупый малый. И вотъ на этомъ фонѣ разыгрывается пять дѣйствій или, если угодно, картинъ комедіи.

Г. Чайковскій со времени „Боязни Жизни" сдѣлалъ нѣкоторыя успѣхи; и „сюперфлю" у него меньше, а вдумчивости больше. Я, какъ говорятъ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, констатирую это съ полнымъ удовольствіемъ. Но законъ экономіи—этотъ основной законъ художественнаго творчества – знакомъ ему еще мало. Для его цѣлей— если у него была вполнѣ сознательная цѣль и вполнѣ опредѣленный тезисъ—исторія обольщенія его племянницы, которая ему не племянница, не имѣетъ никакого отношенія. Это опять таки дань тѣни мистрисъ Брэддонъ. Племянница влюблена въ своего студента, онъ въ нее, и все идетъ прекрасно. Проходимецъ, обѣдающій съ княземъ Симеономъ, обирающій баронессу и мѣтящій въ государственные люди, потому что баронессы кругомъ трещатъ, что такіе дѣятели нужны Россіи,—не станетъ ни на іоту характернѣе отъ этого эпизода. То—проходимство на подкладкѣ добродушнаго цинизма и лукаваго простодушія—типично; это нисколько. „Боязнь Жизни" есть болѣзнь нашего вѣка. Согласенъ. Но чахоточная сенсуальная любовь Наты къ Алешѣ, который ей не братъ—анекдотъ. Такъ и здѣсь. Какое странное, непонятное раздвоеніе! И съ какою очевидностью это доказываетъ слабость аналистической мысли г. Модеста Чайковскаго!..

Какъ бы то ни было, внѣшнее теченіе интриги таково. Студентъ уходитъ изъ дома благодѣтеля, и когда проситъ руки Насти, Галкинъ оретъ, кричитъ, бѣсится, и цѣлуетъ ручки у своей „второй дочери", какъ онъ ее называетъ. Дочь, Соня, которая, по замыслу автора, должна изображать, загадочную натуру, влюбленную въ студента, но такъ тонко, что никто, ни онъ, ни она, ни публика этого не замѣчаютъ,—кокетничаетъ съ княземъ Ветлужскимъ до упаду: когда-же онъ предлагаетъ ей руку и сердце, то говоритъ ему прямо, что не любитъ его, а что впрочемъ, если онъ настаиваетъ, пусть считается ея женихомъ. Но тутъ разыгрывается самая сильная и въ то же время самая безтолковая сцена всей пьесы. Обольстивъ Настю, Галкинъ рѣшается выдать ее замужъ, и поскорѣй, за Павленко. Онъ пріѣзжаетъ радостный, цвѣтущій, готовится, такъ сказать, къ неземному блаженству, но изъ писемъ, переданныхъ ему Дилигентовымъ, узнаетъ печальную истину и бросается на Галкина. Происходитъ сильная сумятоха. Соня отказывается отъ Ветлужскаго, стучитъ въ дверь отца и занавѣсъ падаетъ. Четвертая картина—это образчикъ такой поверхностной, гнусавой мелодрамы, неподготовленной и немотивированной, что разбираетъ настоящая досада. Двѣ сестры, или если вы уже не вѣрите въ степени родства, установливаемыя г. Чайковскимъ, на что имѣете полное право—Соня и Настя плачутъ и заливаются. Павленко убѣжденъ, что она „чиста", морально, разумѣется, но она не убѣждена, что онъ ее любитъ. И когда Павленко приходитъ, то на прямой вопросъ ея, онъ начинаетъ ревѣть. Соня же заревѣла уже раньше, откуда ясно, что она его давно безумно любитъ. Cur? quomodo? quibus auxiliis? А впрочемъ, осуждать за эту скоропалительную краткость г. Чайковскаго нельзя. И безъ того, уже 5 картинъ, а если бы развить психологію Сониной любви, пришлось бы сочинить еще 5. Ибо дѣйствительно, одно изъ двухъ: либо рисуйте „ванекъ-встанекъ" и „борцовъ", либо рисуйте любовные анекдоты, которые, точно случаются и въ хорошихъ семействахъ, столь повидимому, близко знакомыхъ г. Чайковскому. Ну, а кончается пьеса то же двойственно. И Соня и Настя уходятъ изъ родительскаго дома. Настя за тѣмъ, чтобы пойти въ сестры милосердія,—Соня за тѣмъ, чтобы поревѣвъ съ Павленкомъ, покончить съ нимъ какъ нибудь миролюбово, и „производить" любовь нормальную безъ всякихъ экзотическихъ отступленій. Что же до Галкина...

Но здѣсь позвольте закончить рѣчь обвинительную и сказать нѣсколько словъ въ оправданіе г. Чайковскаго. Среди этого вздора кровосмѣсительныхъ анекдотовъ, мусора, психологіи и бабьихъ тряпокъ мистрисъ Брэддонъ,—въ пьесѣ г. Чайковскаго имѣется несомнѣнно талантливо написанное яркое лицо, съ серьезнымъ психологическимъ и бытовымъ содержаніемъ. Это—Дилигентовъ. Я считаю и „борцовъ", и пожалуй, „ванекъ-встанекъ" названіемъ неумѣстнымъ. Какъ борецъ, Дилигентовъ не представляетъ никакого противоположенія Галкину. Онъ скорѣе его дополнительный цвѣтъ. Дилигентовъ такой-же проходимецъ, какъ и Галкинъ, но забитый, униженный и оскорбленный. Именно, униженный и оскорбленный, и въ немъ можно найти много той спеціальной психологіи, которая отличаетъ героевъ Достоевскаго. Всѣ обиды и издѣвательства Галкина онъ заноситъ въ свою записную книжку, и потомъ мститъ. И мститъ онъ не какъ нибудь, но съ нѣкоторымъ сладострастіемъ ненависти и мученьства. „Безкорыстно!" какъ онъ о себѣ объявляетъ. Это точно поэзія злобы, себѣ довлѣющей, ибо не гражданскія чувства его къ этому побуждаютъ, а

какая-то дрянь, которая покоится на днѣ души, униженной и оскорбленной, и которая, нѣтъ-нѣтъ, да и всколыхнется. И вотъ, въ финальномъ разговорѣ Галкинъ и Дилигентовъ обмѣниваются на чистоту комплиментами. Галкинъ называетъ себя „вашей-встанькой“, и Дилигентова — тоже. И онъ хотѣлъ его уничтожить, а онъ всталъ. Вотъ телеграмма о назначеніи на постъ. Но въ это время Соня объявляетъ о своемъ рѣшеніи, и Дилигентовъ злобно и демонически хохочетъ, тогда какъ Галкинъ безпомощно опускается въ кресло... Послѣднее опять-таки отзывается „суперфлью“ и крайнею поверхностностью. Словно поймалъ г. Чайковскій за хвостъ идейку, но такъ какъ руки у него благовоннымъ масломъ смазаны, то идейка вспорхнула и улетѣла. Ибо если Галкинъ такой „канитъ“, что ему уходъ Сони? И если его такъ возноситъ назначеніе на постъ, — не все-ли равно, смѣется или нѣтъ надъ нимъ Дилигентовъ? Такова эта пьеса. Безспорно, она лучшая у г. Чайковскаго. Дарованія и наблюдательности у него нельзя отнять, и если онъ будетъ продолжать правильный курсъ леченія отъ легкости необыкновенной въ мысляхъ, изъ него можетъ выработаться недюжинный драматургъ. Кстати, и языкъ у него хорошій.

Теперь объ исполненіи. Откровенно говоря, оно меня мало удовлетворило. Г. Южинъ хорошо игралъ Галкина, но едва-ли былъ имъ. Немного болѣе мягкаго и ласковаго простодушія здѣсь было-бы вполнѣ умѣстно. „Простакъ по простецки“ выходилъ у него съ оттѣнкомъ ноздревщины, а это невѣрно. Галкинъ больше Чичиковъ, чѣмъ Ноздревъ, хотя и пересыпаетъ рѣчь крупною бранью. И вообще, Галкинъ, талантливая каналья и даровитый проходимецъ. И вотъ этого свободнаго, орлинаго, этой интуиціи, такъ сказать, мошенничества у него было мало. Превосходенъ г. Садовскій. Ахъ, какой это удивительный актеръ и сколь простыми средствами достигаетъ онъ поразительныхъ результатовъ! Въ послѣдней картинѣ, когда этотъ униженный и оскорбленный проходимецъ даетъ волю накипѣвшимъ обидамъ, которыя онъ слагалъ въ сердцѣ своемъ, г. Садовскій былъ неподражаемъ. Его походочка, его тонъ, и эта необыкновенная простота пріемовъ, и такіе не эффектные съ виду, но такіе подавляющіе своею искренностью интонаціи — все было безподобно. Много хорошаго можно сказать о г. Рыжевѣ — студентѣ, который обнаружилъ чрезвычайно много натуры, и которому можно было-бы предсказать большую будущность, какъ „рубашечному“ и характерному любовнику, если-бы не мѣшалъ глуховатый и простуженный голосъ. Очень недуренъ и мило держался г. Ильинскій, князь Ветлужскій и пр.

Но женскій персоналъ... Воля ваша, женскій персоналъ московскаго Малаго театра мнѣ давно уже представляется недоразумѣніемъ. Москвичи въ восторгѣ отъ г-жи Никулиной, въ роли баронессы Торнъ. Спорить не стану. Точно, г-жа Никулина играетъ ярко, сочно, и своеобычно,—а это, худо-ли, хорошо-ли, да нескучно. Но она также мало походила на баронессу, которую имѣлъ въ виду г. Чайковскій, какъ мало походила-бы г-жа Жулева на Матрену изъ „Власти Тьмы“. Г-жа Никулина была баронессою второй гильдіи, и даже платье съ тисненіемъ было на ней второгильдейское. Г-жа Лешковская изображала Соню. Для этой роли требуется много, и капризное, дѣвичье кокетство, та прихотливая нотка безсознательнаго мечтательства, которая различаетъ коварство дѣвушки отъ извѣстной игры женщины; наконецъ, здѣсь нужна и страстность, и нервность, и искренность. Г-жа Лешковская прежде всего по фигурѣ не подходитъ къ этому образу: довольно приземистая, съ короткою шеею и круглымъ лицомъ, она была далека отъ изображаемаго образа властной, гордой дѣвушки. Потомъ ея рѣчь... о, эта открытая московская рѣчь, съ „желтыми“, какъ говорятъ пѣвцы, нотами, съ оттяжками и искривленіемъ угловъ рта для ясности дикціи— она нестерпима для моего петербургскаго уха! Есть что-то удивительное, вульгарное, мѣщанское въ говорѣ многихъ московскихъ актеровъ и актрисъ. И что это совершенно ненужно для явственности дикціи, видно изъ того, что ни у г. Ленскаго, ни у г. Садовскаго, ни даже у г-жи Никулиной — такой рѣчи нѣтъ. Но она чрезвычайно рѣзко выражена у г-жи Федотовой, а ночче у г-жи Лешковской, усвоившей, по преемственности амплуа, и манеру Гликеріи Николаевны. У г-жи Лешковской самый звукъ голоса, кромѣ того, довольно вульгаренъ, и лишенъ главнаго—изящности и грустнаго колорита. Оттого ей совсѣмъ не удаются лирическія сцены. Оттого мечтательная грусть у нея очень похожа на меланхолію Анфисы Вѣлотѣловой, поджидающей своего Бальзаминова, но все это уже во второмъ поколѣніи.

Сцена между двумя сестрами (искренно совѣтую г. Чайковскому совершенно выпустить всю эту картину—она рѣшительно ненужна) вышла у г-жи Лешковской и Музиль крайне однообразно и скучно. Г-жа Музиль не лишена дарованія, но либо неопытна, либо повреждена школой. Въ мѣстахъ тихихъ и простыхъ, г-жа Музиль очень мила и напоминаетъ г-жу Коммиссаржевскую. Но когда ей нужно громко плакать и стонать, она мнѣ очень напоминаетъ г-жу Доманеву, играющую драматическую роль. Та-же плоскость открытаго звука, лишеннаго внутренней вибраціи, та-же однотонность читки, тотъ-же тонъ методическаго стенанія, замѣняющій живой ритмъ искренняго чувства.

Что еще сказать? Послѣ нашихъ петербургскихъ постановокъ, постановка Малаго театра поражаетъ бѣдностью. Павильоны лишены оконъ. Мебель обита не то репсомъ, не то ценькой, и все это поношено до чрезвычайности. Аксессуары жалки. Но публика благоговѣетъ. И это хорошо. Ахъ, если-бы мы, въ Петербургѣ, столь-же серьезно смотрѣли на театръ, чего-бы могли достигнуть при нашихъ средствахъ. Я говорю не объ актерскихъ средствахъ, но средствахъ культуры...

А. К-ель.

СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ *).

Альфонса Додэ.

(*Окончаніе* *).

Да, теперь у него несомнѣнныя доказательства... Да, это для него, именно для него, Луиза переѣхала къ своей сестрѣ, для него она терпѣла, и мучилась, и подвергалась оскорбленіямъ, въ надеждѣ, что они свидятся... Но развѣ это было возможно? Развѣ все не было кончено, порвано между ними уже давно и навсегда? Напрасно, въ сущности, онъ такъ огорчается: совѣсть ни въ чемъ не можетъ упрекнуть его.

Онъ шелъ и думалъ, и машинально глядѣлъ впередъ. Это была совсѣмъ не та мѣстность, по которой онъ давеча шелъ съ Вейономъ. Тогда это была огромная равнина, которая вся сверкала въ лучахъ

*) См. № 43, 44 и 45

бездоннаго синяго неба. Теперь, подъ тѣмъ же небомъ, но омрачившимся, и словно полуопущеннымъ,

зелень полей и желтые, и розовые цвѣты блестѣли какимъ-то страннымъ отраженіемъ, словно освѣщеніе падало снизу. Что-то сѣверное чувствовалось въ этомъ пейзажѣ, задыхавшемся въ удушливой атмосферѣ, лишенной движенія. Ни перо птицы, ни травинка не колыхались... И вдругъ, далеко, очень далеко, на самомъ краю горизонта, что-то блеснуло вродѣ искры изъ-подъ наковальни позади блѣднаго садящагося солнца, которому сдавили грудь двѣ густыя тучи. Вотъ такъ и онъ пришелъ поклониться зарѣ угасающей жизни, и въ этихъ блѣдныхъ лучахъ смерти предъ нимъ блеснула далекая искра, и она вызвала въ глубинѣ его души, изъ дали лѣтъ, воспоминаніе о первой встрѣчѣ его съ Ла Федоръ. Это было днемъ, на раутѣ, *garden party*, въ англійскомъ посольствѣ. Она только что „сказала“ „Праздникъ у Терезы“ своимъ хватающимъ за душу немного тусклымъ голосомъ, и съ этимъ нервнымъ увлеченіемъ всего своего существа. „Пойдемъ-те на воздухъ, я умираю“, сказала она дю Брео, не глядя на него, и пройдя черезъ анфиладу торжественныхъ и парадныхъ салоновъ посольскаго дома, освѣщенныхъ радугой преломляющихся зеркалъ, они усѣлись въ отдаленномъ углу сада, противъ рѣшетки, которую толстый рядъ переплетающихся деревьевъ и кустовъ скрываетъ отъ вѣчно движущейся, какъ картины фееріи, панорамы Елисейскихъ полей.

Страшный ударъ грома привелъ его мысль къ дѣйствительности. Цѣлые клубы пыли носились по дорогѣ, поднятые горячимъ порывомъ вѣтра, въ которомъ чувствовался запахъ сѣры, а въ глубинѣ, на встрѣчу, словно быстрымъ галопомъ неслась темно-бурая туча, изрыгавшая пламя, изрѣзанная по краямъ въ клочья снопами дождевыхъ потоковъ. Два бѣлыхъ голубя, единственныя птицы, которыя виднѣлись на всемъ этомъ пространствѣ, растерянно хлопали крыльями, бросаясь то на встрѣчу грозѣ, то улетая назадъ. И почти немедленно, у его ногъ упало нѣсколько тяжелыхъ рѣдкихъ капель, потомъ онѣ пошли чаще, падали стремительнѣе, и вдругъ туча разверзлась, и до самого Жювизи, до самой ночи, онъ шелъ среди гула и шума грозы и дождя, скользя, оступаясь, попадая въ лужи, ничего не видя, ничего не чувствуя, весь охваченный прошлымъ, мучительно обозрѣвая всю свою жизнь съ этою великою актрисою и того, что они называли ихъ любовью.

О, эта женщина, принадлежавшая всему міру, которой актеры говорили „ты,“ которой самый послѣдній статистъ, самый послѣдній изъ клакеровъ говорили въ слѣдъ гнусности; эта женщина, про которую всѣ эти пустоголовые завсегдатаи, отправлявшіеся въ клубъ или не отправлявшіеся, а остававшіеся въ надеждѣ найти какой нибудь „предметъ“ подъ конецъ спектакля, имѣли право сказать: „Луиза была сегодня отвратительна“! Словно животное изъ татерсаля, которое всякій конюхъ, всякій барышникъ, могъ хвалить предъ нимъ, разсматривая его въ подробностяхъ, отъ копыта до глаза, отъ крупа до загривка.. „Гдѣ барыня?“ Заперлась съ директоромъ, или приготовилась слушать въ своей уборной роль, которую нашептывалъ авторъ. Въ какое бѣшенство онъ приходилъ, какъ онъ краснѣлъ предъ этою дверью! И сидя на этомъ диванѣ, въ маленькомъ голубомъ салонѣ, гдѣ онъ ждалъ ее, пока она была на сценѣ,—какіе мучительные часы онъ переживалъ!.. Изъ сосѣднихъ уборныхъ никто его не видѣлъ, и никто не зналъ, что онъ тутъ. И вотъ, вся эта актерская братія, мужчины и женщины, одѣваясь при открытыхъ дверяхъ, натягивая красное или бѣлое трико, разговаривали, нисколько не стѣсняясь, какъ будто они были одни. И по всему корридору раздавались взрывы циничнаго, самодовольнаго хохота, тучей нависли непристойности и гулко перекатывались фразы изъ жаргона дѣвокъ и кабаковъ. И Луиза слушала это, безъ сомнѣнія, отвѣчала на все это, когда была одна, потому что это былъ ея міръ,

это была ея жизнь. При этой мысли все его сердце переворачивалось. Иногда онъ выходилъ на сцену, бродилъ за кулисами, подъ шуточки рабочихъ и пожарныхъ, со стѣсненнымъ сердцемъ и блѣдный, какъ

авторъ въ день перваго представленія, потому что когда его любовница была на сценѣ, она всегда ему внушала одно и то же безпокойство. Онъ чувствовалъ, что становится смѣшонъ. Но куда идти? Она играла каждый вечеръ, цѣлый день репетировала въ театрѣ; а оставить ее одну въ этой грязи, свободную, во власти ея мимолетныхъ капризовъ — о, отъ этого можно было сойти съ ума!.. Она тоже постоянно требовала, чтобы онъ былъ тамъ. Она была старше его, и оттого еще ревнивѣе. И подобно этимъ двумъ голубямъ, которые сейчасъ потонули во мракѣ грозовой тучи, и они долго любили другъ друга среди этого вихря, этой бури и урагана. И все-таки это еще была самая лучшая пора. Да, да, эти ужасныя сцены, эти взрывы бѣшенства и гнѣва, доходившіе до помраченія, до ударовъ, до драки — все было лучше, нежели униженіе послѣднихъ лѣтъ, это медленное и мрачное сростаніе съ комедіантскимъ міромъ, когда актеры стали звать его: „мой маленькій Франсуа“, контрюлеры—„господинъ маркизъ“, и когда всѣ смотрѣли на него, какъ на мужа Ла Федоръ, будущаго кассира или театральнаго управляющаго. Онъ шелъ прямо къ этому,—правда, тихими шагами, безъ оживленія, безъ страсти, по инерціи, подчиняясь слѣпой и подлой силѣ привычки...

И такъ все шло къ печальному концу, когда вдругъ, въ гостиной своей матери, предъ нимъ явилась та, которая открыла ему новыя радости жизни,— его божественная маленькая „Шато-Фрэ“, какъ онъ называлъ свою жену...

IV.

Онъ долженъ былъ сдѣлать два или три километра пѣшкомъ, и такъ спѣшилъ скорѣе добраться домой, что избралъ прямую дорогу, всю въ грязныхъ лужахъ, по густой мокрой травѣ. Гроза уже прекратилась, небо расчистилось. Онъ шелъ черезъ поля, кучи грязи, потоки мутной воды. Его башмаки, переполненные водою, грузно шлепали по землѣ. Наконецъ, онъ очутился у рѣшетки, лихорадочно и въ суетѣ ищетъ звонокъ. Нащупавъ, онъ радостно потянулъ его.

О, какой прелестный запахъ, какой чистый, усыпанный свѣжимъ пескомъ садъ, и этотъ старый домъ во вкусѣ Louis XV, и какіе свѣтлые, радостные огоньки!.. Когда онъ поровнялся съ подъѣздомъ, на верху полуоткрылось окно:

— Иди скорѣе... Я около ребенка...

— Что онъ боленъ?

— Нѣтъ... Ничего...

Въ голосѣ жены такой оттѣнокъ счастья и радостнаго оживленія, что онъ сейчасъ же успокаивается.

Изъ передней, гдѣ онъ останавливается на нѣсколько минутъ, чтобы перемѣнить обувь и сбросить мокрое платье, онъ видитъ столовую, которая ярко освѣщена, два прибора поставлены на чистой, свѣжей скатерти. Ну, вверхъ по лѣстницѣ! Большая комната, потомъ поменьше, слабо освѣщенная голубою лампою. Все наполнено здѣсь нѣжностью и какимъ-то тихимъ мерцаніемъ. Онъ приближается къ маленькой постелькѣ съ пологомъ изъ свѣтлой кисеи, и она, жена его, зоветъ его нѣжнымъ и мягкимъ жестомъ.

Онъ весь охваченъ порывомъ, какою-то горячею благодарности, онъ задыхается отъ рыданій и неясныхъ полупризнаній... Она, кажется, все поняла, это слышно по тону мягкаго состраданія, которымъ она его утѣшаетъ. Бѣдный, какой тяжелый день онъ, должно быть, провелъ!.. Это такъ тяжело видѣть смерть кого-либо изъ хорошихъ знакомыхъ... Правда?.. Точно часть самого себя уходитъ... Что до нея, то и ей было тоже не очень весело... Малютка металась, у ней былъ жаръ... А потомъ, къ вечеру, лихорадка прекратилась. И щеки стали славныя, и вотъ теперь она спитъ такая свѣженькая, спокойная...

— Посмотри...

Она раздвигаетъ пологъ. Они наклоняются оба надъ ребенкомъ, котораго кожа отливаетъ бархатомъ и перламутромъ, и дыханія ихъ смѣшиваются съ ровнымъ дыханіемъ этого маленькаго полуоткрытаго рта... Они здѣсь всѣ, втроемъ подъ пологомъ. И какъ здѣсь хорошо! Какъ далеко все остальное! И какое спокойствіе въ этомъ забвеніи остальнаго міра!..

ЗАМѢТКИ.

Немного Японіи... Балетъ „Микадо“ кружитъ голову всѣмъ петербуржцамъ. Точно, онъ чрезвычайно красивъ, оригиналенъ и ярокъ. Я читалъ, правда, нападки на этотъ балетъ и на то, зачѣмъ балетъ японскій. C'est du chinois, qu'il nous faut!..

Увы, мнѣ кажется, мы и безъ того немного запоздали съ своей приверженностью къ Китаю и модой на Японію. Во Франціи мода на Японію существуетъ уже давно, по крайней мѣрѣ, очень распространены японскія ширмы. И съ тѣхъ поръ, какъ завелись въ большомъ числѣ ширмы въ будуарахъ, появилась „депопуляція“, т. е. уменьшеніе народонаселенія. Впрочемъ, это щекотливая и притомъ соціальная тема.

Помнится мнѣ, я читалъ какъ-то давно разсказъ, кажется, Жюли Кларти по поводу Японіи. Одна

милая дама увидала у другой милой дамы статую Будды въ японскомъ стилѣ. Совершенно естественно (Бурже, однако, написалъ бы по этому поводу психологическій этюдъ подъ названіемъ „Cruelle énigme“) совершенно естественно, говорю я, что ей захотѣлось имѣть такую-же, т. е. совершенно такую же статую.

— Bel ami, сказала она, когда къ ней пришелъ Гастонъ,—всѣ съума сходятъ по Японіи. У Модъ я видѣла вчера очаровательную статую Будды. Ахъ, я хочу имѣть такую же статую!..

Разумѣется, Гастонъ немедленно пустился въ поиски. Онъ обрыскалъ всѣ магазины рѣдкостей, музеи антикваріевъ, аукціонныя залы. Увы, нигдѣ нѣтъ статуи. И чѣмъ безуспѣшнѣе были его поиски, тѣмъ очевиднѣе становилось для милой дамы, что жизнь не въ жизнь, если рядомъ съ пирмами не будетъ изображеніе Будды, и что именно потому она такъ несчастна. А она, конечно, несчастна.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день Гастонъ рѣшился. Онъ написалъ милой дамѣ письмо, въ которомъ называлъ ее тысячью ласковыхъ именъ, говорилъ, что любитъ ее безъ мѣры и безъ конца и что онъ достанетъ ей статую Будды. Онъ докажетъ, и она убѣдится тогда, какъ сильна его любовь. Написавъ письмо и кликнувъ посыльнаго, онъ отправился въ военное министерство и записалъ себя въ добровольцы тонкинской экспедиціи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прошелъ годъ, прошло два года, Жюль Ферри все былъ министромъ-президентомъ и морское министерство попрежнему неаккуратно высылало подкрѣпленія. Гастонъ же все воевалъ.

Однажды—была темная тропическая ночь—отрядъ, въ которомъ служилъ Гастонъ, столкнулся съ непріятелемъ. Звѣзды, яркія, искристыя, какъ глаза тигра, глядѣли съ высоты на уснувшую землю, а люди убивали другъ друга. Больше всѣхъ убивалъ Гастонъ. Тѣло его было насквозь пронизано стрѣлами, одежда изорвана, кровь лилась ручьями изъ ранъ, но онъ, размахивая ружьемъ, все бѣжалъ и стрѣлялъ, стрѣлялъ и бѣжалъ. Предъ нимъ была цѣль, болѣе яркая и искристая, чѣмъ звѣзды, предъ нимъ стояли глаза, болѣе обманчивые и лучезарные, чѣмъ глаза тигра. Онъ чувствовалъ, что невдалекѣ статуя Будды. И онъ дрался, какъ герой, прорвалъ ряды непріятелей, которымъ онъ казался сверхъестественнымъ существомъ, и схватилъ изображеніе Будды.

Онъ долго пролежалъ въ госпиталѣ, лечась отъ ранъ. Когда онъ поправился, стояла яркая весна, солнце грѣло привѣтными лучами, и деревья, влажныя и пухлыя, испускали благоуханіе. Въ Парижѣ было весело, людно и шумно. Но всѣхъ веселѣе было на душѣ у Гастона. Съ бьющимся сердцемъ, сжимая въ рукахъ драгоцѣнное изображеніе, поднимался онъ по лѣстницѣ. Милая дама была одна. „Она ждетъ меня!“ подумалъ Гастонъ и палъ на колѣни „передъ святыней красоты“, повергая въ прахъ вмѣстѣ съ собою и священное изображеніе мудраго Будды.

— Ахъ, это вы, Гастонъ? сказала милая дама съ обязательною улыбкою.—Какъ давно васъ не было видно! Ахъ, что это?

— Будда, вы помните, Будда... японскій, лепеталъ Гастонъ, прикасаясь пересохшими устами къ краямъ ея одежды.

— Ахъ, Будда!.. Это очень мило съ вашей стороны.

Потомъ, тыкнувъ слегка кончикомъ туфли статую, она сказала немножко ротикъ, что къ ней очень шло, и прибавила:

— Но вы знаете новость? Японія теперь совсѣмъ не въ модѣ, le Japon n'est plus à la mode...

Я написалъ все это, хотя откровенно говоря, не знаю, зачѣмъ написалъ. Затѣмъ, чтобы намекнуть, что мода на Японію можетъ пройти, тогда какъ китайскіе балеты Петипа и картины передвижниковъ безсмертны? Затѣмъ, чтобы указать, что единственная неизмѣнная мода это на женщинъ? Или, быть можетъ, затѣмъ, чтобы повторить старую истину о томъ, что нѣтъ ничего новаго на свѣтѣ и что исторія Гастона можетъ повториться завтра, случилась вчера и, быть можетъ, пишется сегодня...

То, что происходитъ съ Японіею и любовницею, рѣже происходитъ съ роднымъ и съ законною женою. Свое не тѣмъ хорошо, что оно хорошо, и не тѣмъ даже, что оно свое, а тѣмъ, что оно не проходитъ, и кремя точно такъ-же укрѣпляетъ свое, какъ разрушаетъ чужое.

На-дняхъ мнѣ привелось прослушать концертъ кружка балалаечниковъ подъ управленіемъ г. Андреева. Какіе успѣхи! Какой шагъ впередъ! И какой могучей красотой звучатъ стройныя пѣсни народа въ оркестровой передачѣ кружка! В. В. Андреевъ неутомимъ. Не довольствуясь балалайкой, которую онъ въ нѣкоторомъ родѣ возвелъ въ перлъ созданія, онъ теперь совершенствуетъ „бронку“. И увѣренъ, что современемъ В. В. Андреевъ добьется того, что брелки, тарелки и балалайки будутъ играть подъ руководствомъ г. Направника увертюру въ Маріинскомъ театрѣ... Увертюру къ чему? Разумѣется, къ „Эсклармондѣ“!...

Вся пошлость городской цивилизаціи, которой въ передѣлку поступаетъ народъ, вспоминается мнѣ, когда я слушаю балалаечниковъ.

Я купилъ платокъ на байкѣ
И игралъ на балалайкѣ...
Разъ, два, три, четыре! хочешь—любишь, хочешь—пѣтъ.
Раскрасавица-милашка!
Ни копѣйки денегъ нѣтъ!..

Это—единственное, кажется, указаніе на балалайку, сохранившееся въ городскомъ народѣ. Чѣмъ-то азартнымъ, пьянымъ, оголтѣлымъ вѣетъ отъ нынѣшней народной пѣсни! Да и что это за пѣсни? Идешь по улицѣ, встрѣчаешь мальчишку въ опоркахъ, который стремится въ трактиръ за кипяткомъ, и онъ поетъ „Маргариту“.

Маргарита скромной швейкой
Прибѣгаючи жила...

А извозчикъ? „Ѣду-ль я ночью улицей темной“, я часто думаю объ этомъ. Поетъ извозчикъ „Тарарабумбія“ и убѣжденъ, что это сочиненіе господина Лермонтова. Возилъ онъ господъ изъ „Аликазара“, въ „Аликазаръ“, и только и слышалъ, что „тарарабумбія, сижу на тумбѣ я, пришелъ городовой, согналъ меня долой“. Да и къ формамъ его жизни оно подходитъ, и во всякомъ случаѣ, городовой есть наиболѣе доступное ему представленіе „надчувственнаго міра“.

„Цыганскія пѣсни“—я разумѣю нынѣшнія цыганскія пѣсни, ибо прежнія были точно народными—составляютъ такой-же продуктъ лакейской цивилизаціи. Я совершено ясно представляю себѣ, какъ сложилось большинство цыганскихъ пѣсенъ. Барыня играетъ Шуберта или вальсъ Вальдтейфеля, причемъ поручикъ Неземновъ или помощникъ присяжнаго повѣреннаго Лоботрясовъ вставляетъ изрѣдка для меланхоліи свои слова, изъ Апухтина или Полежаева. Но черезъ полуотворенную дверь гостиной, черезъ корридоръ, а иногда и кухню, кривымъ, обходнымъ путемъ, звуки достигаютъ лакейской, и тамъ подвергаются народной обработкѣ. Лакей Степанъ

играетъ, по слуху, вальсъ Вальдтейфеля на гитарѣ, а Мавра, для меланхоліи, вставляетъ свои реплики. И такимъ образомъ, изъ кухни въ кухню, изъ лакейской въ лакейскую змѣевиднымъ путемъ изгибается вальдтейфелевскій вальсъ, пока не превращается въ какой-нибудь шедевръ чернорѣченскаго хора.

И вотъ, я говорю, балалайка звенитъ въ ушахъ, какъ настоящій зеленый шумъ, весенній шумъ деревни. Ея мелодія—нѣжная, плакучая, нетовая, словно молодушка, которая подъ звуки этой мелодіи плыветъ „лебедомъ“. Въ этихъ звукахъ чувствуется какая-то томная грусть, какая-то поволока. Слонно не глядѣли бы мои глаза, да смотрится, словно бы не слушали мои уши, да какъ-то слушается.

Струнные инструменты въ своей основѣ одинаковы, въ своей физической основѣ, разумѣется. Подобно тому, какъ равные физически другъ другу люди иначе чувствуютъ, благодаря различію національнаго духа, такъ точно непохожи, напримѣръ, мандолина и балалайка. Въ звукахъ мандолины есть порывистая страстность, какое-то быстрое, до умопомраченья, треканье. Сулятъ они много блаженства, но блаженства скоротечнаго, мимолетнаго, преходящаго. Вотъ пройдетъ заря, посвѣжѣетъ воздухъ, и исчезнетъ прекрасный сеньоръ съ мандолиною, но пока онъ тутъ, пока „ночной зефиръ струитъ эфиръ, шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ“ (Господи! Прости мнѣ мои географическія прегрѣшенія!), надо пользоваться жизнью. Балалайка тоже какъ будто заключается въ треканьѣ, но выходитъ иначе. Выходитъ что-то манящее, зовущее, длящееся, русалочное, что-то исчезающее и появляющееся. Разсчитано это на долгую сѣверную ночь, которой конца нѣтъ, на холодную избу, занесенную снѣгомъ, на грусть-тоску, которую надо выплакать, и на молодцоватый посвистъ, которымъ можно отогнать тяжелый призракъ.

И считаю, что заслуга г. Андреева и его кружка—огромная, можно сказать, историческая. Онъ не только показалъ, что народная пѣсня прекрасна, но показавъ это, обнаружилъ всю пошлость трактирной пѣсни. Говорятъ, балалайка теперь въ сильномъ ходу среди солдатъ, которымъ очень нравится и гдѣ начинаетъ постепенно вытѣснять гармонію. Черезъ солдатъ балалайка вернется въ народную жизнь, но уже усовершенствованная, гармонизированная, провѣренная.

Народная душа подобна балалайкѣ. Я хочу этимъ сказать, что, вообще, основы народной жизни прекрасны, но фабрика усовершенствованныхъ основъ и музыкальныхъ инструментовъ находится все-таки въ Петербургѣ. Слѣдуетъ вывѣрить балалайку, очистить ее отъ мусора, подтянуть колки, и попросить нѣмца-кларнетиста дать неизбѣжное „ля“ на своемъ устойчивомъ инструментѣ. А потомъ—вернуть ее въ народъ.

Homo novus.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Вслѣдъ за Сметаной въ Вѣнѣ повезло и другому славянскому композитору—нашему Чайковскому.

Евгеній Онѣгинъ поставленный на сценѣ вѣнскаго гофъ-театра прошелъ съ большимъ успѣхомъ и какъ видно по отзывамъ мѣстныхъ газетъ пришелся по вкусу музыкально избалованнымъ вѣнцамъ.

Музыка это культъ Вѣны. Нигдѣ, можно сказать, серьезное музыкальное образованіе не распространено такъ, какъ въ Вѣнѣ, тѣмъ болѣе пріятно отмѣтить успѣхъ Онѣгина. Какъ серьезно отнеслась вѣнская публика къ новой оперѣ можно судить изъ слѣдующаго. Въ залѣ не было почти зрителя, который не слѣдилъ-бы за представленіемъ по тексту; многіе явились даже съ партитурами; всѣ слѣдили такъ внимательно, что во всѣхъ ложахъ, въ партерѣ и на всѣхъ 3 галлереяхъ, словно по командѣ поднимались въ одну и ту же минуту руки, перелистывавшія страницы текста. И одновременно у всѣхъ вырывались крики «браво». Успѣхъ шелъ crescendo. Сцена съ письмомъ, сцена ссоры между Ленскимъ Онѣгинымъ и заключительныя сцены между Онѣгинымъ и Татьяною, вызвали такія бурныя рукоплесканія, какихъ давно уже не видала вѣнская опера.

Поставлена опера прекрасно. Оркестръ подъ руководствомъ Миляра игралъ удивительно. Къ сожалѣнію, въ режиссерской части допущены были непростительныя погрѣшности. Напр. режиссеръ нарядилъ старуху Ларину, Татьяну и Ольгу въ простонародные костюмы. Ларина была ни дать, ни взять русская кормилица въ кокошникѣ.

Кокошникъ такъ полюбился режиссеру, что въ немъ танцовали не только на деревенскомъ балу у Ларинныхъ, но и на великосвѣтскомъ раутѣ въ Петербургѣ. Ленскій выступилъ въ прическѣ нигилиста 60-хъ годовъ, съ длинными не видѣнными ножницъ волосами. Татьяна посылаетъ воздушные поцѣлуи своей поѣздѣ. Французъ Трике становится на колѣни не только передъ Татьяною, но и передъ Ларинною. Мужчины на обоихъ балахъ появляются въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ всѣхъ вѣковъ, а Ленскій выступаетъ въ сказочныхъ сапогахъ, которые въ придачу къ его длиннымъ волосамъ и страшному сюртуку дѣлаютъ его похожимъ на все, что угодно, только не на Ленскаго.

Исполненіе тоже оставляло желать съ нашей русской точки зрѣнія много. Изъ Татьяны нѣмецкая исполнительница сдѣлала нѣмецкую барышню: zierlich, manierlich und ganz akkurat. Онѣгинъ пѣлъ какимъ-то шипотомъ, съ вѣнскаго Партера. За то въ вокальномъ отношеніи исполнители были на высотѣ.

Кажется Берлинъ съ Парижемъ поменялись ролями. Тогда какъ въ Парижѣ все чаще и чаще начинаютъ появляться пьесы серьезнаго характера, до мистическихъ пьесъ включительно, Берлинъ отдался фарсамъ. Фарсъ царствуетъ, и замѣтьте, даже въ самыхъ «порядочныхъ» театрахъ, посѣщаемыхъ кайзорными и иными совѣтниками. Говорите послѣ этого о нѣмецкой основательности и скукѣ. Изъ цѣлой люжины фарсовъ послѣднихъ дней едва ли не лучшій «In Behandlung» Дрейера, написанный живо, съ несомнѣннымъ юморомъ и кромѣ того, какъ будто, затрогивающій соціальный вопросъ, вопросъ о «своемъ хлѣбѣ» женщинъ. Подобно другому фарсу «Новая женщина», (см. № 46) здѣсь выводится женщина, стремящаяся къ самостоятельному труду, женщина-врачъ. Heimat въ лицѣ тетокъ и кумушекъ встрѣчаетъ съ ужасомъ ее, возвратившуюся изъ Берлина съ доторскимъ дипломомъ. «Ахъ! Скандалъ! Это неприлично! Женщина-врачъ? Вѣдь тамъ всякія болѣзни, о которыхъ женщинѣ и знать стыдно!—Нѣтъ, рѣшительно Лизбетъ не слѣдуетъ принимать“. И ее не принимаютъ, ея женихъ хочетъ отъ нея отказаться, но у нея хватаетъ мужества самой отказать ему. Кстати тутъ подвертывается кузенъ, тоже врачъ и по женскимъ болѣзнямъ. Конечно, онъ не имѣетъ практики, такъ какъ цѣломудренныя біргерши, не желаютъ посвящать въ свои болѣзни холостого. Они женятся и обѣ получаютъ практику; общественное мнѣніе примиряется съ M-me Лизбетъ и все устраивается благополучно. Und die Moral? Ахъ, господа, какой вы еще захотѣли морали отъ фарса?

3 ноября (по нов. ст.) въ Вѣнскомъ придворномъ оперномъ театрѣ состоялось 400-ое представленіе «Вильгельма Телля» Россини. Эту оперу, въ отношеніи количества представленій, въ Вѣнѣ превзошли только «Донъ-Жуанъ» (510 разъ), «Гугеноты» (484 раза), «Фрейшютцъ» (481 разъ), «Севильскій Цирюльникъ» (454 раза), «Робертъ-Діаволъ» (447 разъ) и «Волшебная Флейта» (413 разъ).

Въ ораторіи «Le Déluge» Сенъ-Сансъ проектировалъ въ изображеніи бури примѣнять хроматическіе литавры. Предположеніе это, однако, не осуществилось, такъ какъ знаменитому фабриканту музыкальныхъ инструментовъ Саксу не удалось изготовить подобные литавры. Теперь попытка удалась директору фирмы Плейэль, г. Ліону.

Въ Вѣнскомъ придворномъ оперномъ театрѣ, вслѣдъ за постановкою «Евгенія Онѣгина», предполагается поставить также «Демона» Рубинштейна. Кромѣ этихъ оперъ, обѣщаны еще новинки: «Джамиль» Бизэ и «Богема» Леонковалло.

Альма Фостремъ выступила недавно въ Лейпцигѣ въ «Травіатѣ» съ обычнымъ успѣхомъ.

Театральная провинція.

Сезонъ еще не дотянулъ до половины, а крахи уже начались. Прежде всего закрылась русско-италіанская опера г. Кастеляно въ Одессѣ, просуществовавъ очень недолго. Одесскія газеты взваливаютъ вину на г-жу Дедицкую, владѣлицу новаго театра воспользовавшуюся случайными будто бы денежными затрудненіями г. Кастеляно, чтобы закрыть театръ. Театръ г-жи Дедицкой, по выраженію одесскихъ газетъ, вообще „злая яма“ для антрепренеровъ. Но вѣрнѣе, кажется, предположить, что сама Одесса „злая яма“. Одновременное существованіе въ Одессѣ драмы и оперы, даже двухъ оперныхъ сценъ, очевидно, невозможно. При всемъ своемъ внѣшнемъ лоскѣ и блескѣ европейскаго города Одесса городъ довольно мѣщанскій и скуповатый. Въ той же Одессѣ случился еще крахъ небольшой драматической труппы, подвизавшейся одновременно, кажется, съ труппой г-жи Дюковой. За одесскими крахами слѣдуетъ крахъ „нормальнаго опернаго товарищества г. Вронскаго“, съ большою торжественностью и рекламою открывшее спектакли въ Умани. Крахъ этотъ произошелъ при совершенно исключительной, даже романтичной обстановкѣ. Вотъ что пишетъ корреспондентъ „Одесск. Нов.“. „Дѣла шли хорошо. Но... fortuna nostra brevis est, и пасмурное утро, или вѣрнѣе пасмурная ночь настала тогда, когда шла опера „Евгеній Онѣгинъ“. Разодѣтые въ пышные бальные костюмы, хористы и хористки, сдѣлавъ послѣднее „па“ вальса, сказали публикѣ послѣднее „прости“ и подхваченные подкарауливавшими ихъ бакинскими антрепренерами (какъ говорятъ, Зурабовымъ и Дунаевскимъ) были увезены на лошадяхъ въ Христиновку, гдѣ дожидались поѣзда. Это „похищеніе“ хора докопало все дѣло. Нѣкоторые члены труппы, понимая невозможность существованія труппы безъ хора, уѣхали; остальные же все-таки поставили 21-го октября оперу „Жизнь за Царя“. На скоро составленный хоръ оказался невозможнымъ. Въ театрѣ слышалось шиканье, свистки. Такъ скончалось наше „нормальное т-во“...

Можно сомнѣваться, впрочемъ, чтобы дѣла товарищества шли хорошо, такъ какъ тогда незачѣмъ было бы хору устраивать этотъ маскарадъ, а антрепренерамъ похищать сабинянокъ и мчать ихъ на вороныхъ конѣхъ до своего аула. Нельзя, однако, не возмущаться легкостью, съ которою хористы и артисты разорвали „нормальный“ контрактъ „нормальнаго товарищества“, по наущенію антрепренеровъ. А на съѣздѣ гг. антрепренеры какъ вопили по этому поводу! По послѣднимъ, однако, извѣстіямъ „нормальное товарищество“ обзавелось новымъ хоромъ и приступило къ дѣйствію. Печальный мартирологъ театральныхъ предпріятій заканчивается крахомъ товарищества артистовъ въ Гельсингфорсѣ. Впрочемъ, въ этомъ крахѣ уже нѣтъ ровно ничего неожиданнаго. Въ общемъ, однако, дѣла въ провинціи идутъ пока недурно, особенно въ драмѣ, сравнительно плохи, какъ и всегда за послѣдніе годы, дѣла оперетки.

Довольно театральный городъ, Симферополь, остался въ этомъ сезонѣ безъ труппы. Дѣло въ томъ, что антрепренеръ городскаго театра упорно прогораетъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Городское же управленіе по словамъ „Моск. Вѣд.“ также упорно продолжаетъ сдавать городской театръ прогорающему антрепренеру, и только ему. Но въ этомъ году актеры оказались такими несговорчивыми, что ни за какія коврижки не хотѣли идти въ труппу къ безнадежно прогорающему антрепренеру. Такимъ образомъ Симферополь остался безъ труппы, но съ испытаннымъ антрепренеромъ. Въ виду такой чрезвычайной оказіи, испытанному антрепренеру слѣдовало бы набрать труппу изъ симферопольскихъ гласныхъ.

Курьезы афишныхъ зазываній. Современно въ виду открывающейся выставки афишъ. Нѣкій Левицкій праздновалъ свой юбилей, который является ему на выручку во многихъ городахъ. Громадѣйшія афиши, извѣщавшія публику о „необычайномъ юбилеѣ“, заключали въ себѣ такую необычайную строчку: „Георгіевскимъ кавалерамъ дается право на безплатный входъ въ театръ“. Говорятъ, подѣйствовало...

Въ одномъ изъ городовъ Харьковской губерніи любители драматическаго искусства ставили какую-то пьесу Шпажинскаго. Программы были доставлены только къ началу спектакля, и каково было всеобщее удивленіе, когда внизу программы, послѣ указанія дѣйствующихъ лицъ, стояли слѣдующія слова: „По болѣзни какого нибудь животнаго, дирекція въ правѣ замѣнить его другимъ“. Оказывается, какъ передаютъ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, что до пріѣзда въ городъ любителей, тамъ подвизался какой-то циркъ и, такъ какъ наборщики типографіи привыкли нѣкоторую часть набора оставлять безъ измѣненія, то они и на этотъ разъ поставили готовый наборъ изъ афишъ цирка.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ)

САРАТОВЪ. Оперное товарищество О. Р. Фюрера предполагаетъ свой отъѣздъ изъ Саратова на 22 ноября, 21-го состоится послѣдній, прощальный, спектакль, а затѣмъ труппа перекочуетъ въ Казань, на смѣну драмѣ М. М. Бородая, спектакли которой, какъ мы слышали, у насъ начнутся уже съ 22 ноября. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности товарищество О. Р. Фюрера ведетъ особенно разнообразный репертуаръ. Съ 12 октября были возобновлены: «Мазепа», «Русалка», «Гугеноты», «Евгеній Онѣгинъ», «Отелло», «Демонъ», «Трубадуръ», «Сельская честь», «Паяцы», «Пиковая дама», «Балъ-Маскарадъ», «Риголетто», «Аида» и «Африканка». Нельзя также не отмѣтить появленія въ репертуарѣ «Эрнани» (16 и 20 октября), имѣвшей успѣхъ прошлымъ сезономъ, и «Пророка» Мейербера оперу, которая у насъ ставилась во время оно, кажется лѣтъ, шесть тому назадъ.

Близость окончанія оперныхъ спектаклей повлекла за собой, неизбѣжные въ этомъ случаѣ, бенефисы. Самый ранній бенефисъ («Гугеноты») представителя О. Р. Фюрера. Затѣмъ состоялись бенефисы: С. В. Тамаровой («Отелло») Т. А. Фингертъ («Трубадуръ»), Ю. Л. Соколовской («Пиковая дама») и А. М. Давыдова («Отелло»). На 4-е ноября объявленъ бенефисъ И. П. Чистякова; идетъ «Мазепа».

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сообщаемъ о бенефисѣ нашего талантливаго и энергичнаго капельмейстера И. О. Палицына. Въ этотъ вечеръ давалась новая для Саратова опера («Гамлетъ» Тома), новая опера прошла у насъ весьма удовлетворительно. Срепетовка вполнѣ приличная, но главное отлично сыгрался оркестръ, бывшій въ этотъ вечеръ въ какомъ-то особомъ «подъемѣ». Изъ солистовъ слѣдуетъ выдѣлить г. Максакова (заглавная партія) и г-жу Картавину. Первый имѣлъ большой успѣхъ. Г-жа Картавина въ вокальномъ отношеніи удовлетворительная Офелія. Можно развѣ посѣтовать на недостаточную устойчивость въ интонаціи. Зато въ драматическомъ исполненіи г-жа Картавина трактуетъ Офелію совсѣмъ съ особой точки зрѣнія, придавая роли мѣстами какой-то фривольный характеръ. Шекспиръ былъ-бы сильно огорченъ такимъ своеобразнымъ толкованіемъ почтенной исполнительницы, если бы, впрочемъ, стоило огорчаться изъ-за такой бездѣлицы.

Другія партіи въ операхъ совсѣмъ не интересны, почему говорить о нихъ не будемъ. Во всякомъ случаѣ гг. Дель-Ферро (Лаэртъ), Фюреръ (король), г-жа Тихомірова (королева) и др. были вполнѣ на своихъ мѣстахъ. Кстати о г-жѣ Тихомировой. Эта пѣвица дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Еще въ прошломъ году мы знали ее совсѣмъ мало-опытной, но теперь, при молодомъ, красивомъ, хорошо поставленномъ, голосѣ, она естественно выдвигается на первый планъ, дѣлаясь, благодаря природному сценическому дарованію, замѣтной величиной. Въ настоящее время г-жа Тихомірова очень хорошо исполняетъ: Зибеля въ «Фаустѣ», Урбана въ «Гугенотахъ», Ольгу въ «Онѣгинѣ» и другія партіи своего репертуара.

3 ноября, въ «Гугенотахъ» выступилъ новый теноръ М. Д. Агульникъ. Дебютантъ, какъ говорятъ, извѣстенъ нашимъ театраламъ, но мы слушали его въ первый разъ. Размѣръ голоса выдающійся: пѣвецъ свободно справился съ партіей, блеснувъ чистыми, металлическими верхами. По тембру голосъ

болѣе лирическій, мягкій, пріятный. Какъ актеръ, г. Агульникъ довольно опытенъ, хотя роль Рауля велетъ какъ-то рутинно. *Ин—то.*

САРАТОВЪ. Съ наступленіемъ ноября кругъ нашихъ театральныхъ зрѣлищъ замѣтно расширяется. Въ городъ прибылъ циркъ, именующій себя циркомъ «перваго товарищества въ Россіи», и началъ свои представленія со 2-го ноября въ каменномъ зданіи князя Куткина. Съ 4-го ноября открылись оперетточные спектакли во вновь отстроенномъ помѣщеніи при садѣ г. Очкина. Содержатель этого сада г. Тихобразовъ составилъ небольшую труппу, въ составъ которой вошли: г-жи Горчакова (лирич.), Монженэ (каскадная), Шадурская (2-я каскадн.), Потоцкая (водев.), Степанова (ком. старуха); г. Голубковъ (теноръ), Фроловъ (простакъ), Завадскій и Надлеръ (комики). Репертуаръ труппы оперетки и водевили. Начали съ «Бокаччіо». Режиссеры М. Н. Онѣгинъ и Ф. Н. Надлеръ.

Слѣдуетъ прибавить, что здѣсь возникаетъ въ недалекомъ будущемъ зимній народный театръ. *Ин—то.*

РОСТОВЪ. Репертуаръ Асмоловскаго театра состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Золото», «Фрицхенъ», «Ніобея», «На маневрахъ», «Чужіе», «Разгромъ» и «Ніобея» (бенефисъ г. Илькова), «Цѣна Жизни», «Принцеса Грезъ», «Въ пеpанной борьбѣ», «Ранняя осень» (бенефисъ г-жи Дарьялъ), «Генеральша Матрена», «Джентельменъ», и т. п. Готовятся «Два подростка», «Дядя Ваня» и др. новинки сезона. Труппа вполнѣ сыгралась, бенефисы даютъ хорошіе сборы (г-жа Дарьялъ получила нѣсколько подношеній) и въ общемъ можно думать, что сезонъ кончится благополучно.

На смѣну нѣмецкой (?) труппѣ Синяковскаго, не имѣвшей успѣха, водворилась въ театрѣ Викторова труппа малороссійская подъ режиссерствомъ Гайдамака и управленіемъ Португалова. Въ составъ труппы входятъ г-жа Постаковская, Азовская, Украинцева, Вѣрина, гг. Гайдамака, Чубатый, Гриняй, Прохоровичъ, Борченко, Сагайдачный и др. У насъ есть спеціальная публика, не посѣщающая другого театра и не признающая ничего, кромѣ гречаниковъ и гопака.

Невольно обращаетъ вниманіе на слѣдующее явленіе среди дѣятелей малорусской сцены. Дробятся ихъ труппы, размѣниваются на мелочи и день за днемъ дѣла этихъ труппъ становятся, къ утѣшенію всѣхъ истинныхъ любителей театра, хуже и хуже. По 2 — 3 рубля на марку уже не берутъ, какъ брали когда-то члены труппъ Кропивницкаго, Старицкаго, Саксаганскаго и др. 4 ноября въ Ноночеркаскѣ праздновали 25-лѣтнюю артистическую дѣятельность М. И. Михайлова. Нашъ новочеркасскій корреспондентъ навѣрное дастъ объ этомъ подробный отчетъ, я же позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой интересной въ театральномъ смыслѣ личности. Кто знаетъ М. И. Михайлова, тому не безъинтересно будетъ узнать, что 27 лѣтъ назадъ Михайлову всѣ предвѣщали скоротечную чахотку, до того онъ былъ худъ. Впалая грудь, сутуловатость, яркій румянецъ на щекахъ, блестящіе глаза, длинныя, болтающіяся какъ плети руки, короткое, прерывистое дыханіе—таковъ былъ начинающій Михайловъ. Началъ онъ съ ролей «первыхъ отъ воды», но шибко пошелъ впередъ. Съ каждой новой ролью онъ больше и больше крѣпчалъ. За 25 лѣтъ, начавъ съ «выходовъ», онъ игралъ «молодыхъ людей», «водевильныхъ любовниковъ», «чистыхъ любовниковъ», «драматическихъ героевъ», «резонеровъ», «комиковъ-резонеровъ» и теперь на долго, быть можетъ навсегда, засѣлъ на «характерныя» роли и на роли «комиковъ-буффъ». Всѣ амплуа онъ несъ съ честью и всегда былъ любимцемъ публики. Звали въ послѣднее время Михайлова во многіе крупные театральные города, звали и въ столицы, но всѣ старанія до сихъ поръ ни къ чему не повели. Да и Новочеркасскъ его не отпуститъ. *Б. Каменевъ.*

КАЗАНЬ. Репертуаръ казанско-саратовскаго товарищества артистовъ (драмат.) подъ управленіемъ М. М. Бородая, съ 8-го сентября и по 4-е ноября. 8-го Сентября (для открытія)—«Цѣна жизни», «Азъ и Фертъ», 9-го—«Таланты и поклонники», «Когда-бъ онъ зналъ», 10-го—«Око за око», «Жоржъ Данденъ», 11-го—«Злая яма», «Тетенька», 12-го—«Волки и овцы», 15-го—«Семья», «Запутанное дѣло», 16-го—«Игра въ любовь» (Флиртъ), «Старое старится, молодое растетъ», 17-го—«Смерть Іоанна Грознаго», «Передъ завтракомъ», 18-го—«Поздняя любовь», «Нина», 19-го—«Жизнь Илимова», «Дама самъ третей», 21-го (утромъ)—«Доходное мѣсто», «Друзья дѣтства», «Женская чепуха» (вечеромъ), 22-го—«Власть тьмы», 23-го—«Дикарка», «Фрицхенъ», 24-го—«Вторая жена», «Ніобея», 25-го—«Безчестные», «Первая муха», 26-го—«Гибель Содома», «Запутанное дѣло», 28-го (утромъ), «Нарцисъ» (вечеромъ) «Міpская вдова», «Трактирщица», 29-го—«Федра», «Сваха», 30-го—«Трильби», «Любовное зелье». 1-го октября «Смерть Іоанна Грознаго», «Вспышка у домашняго очага», 2-го—«Злая яма», «Тетенька», 3-го—«Потонувшій колоколъ», «Щекотливое порученіе», 5-го (утромъ)—«Не такъ живи какъ хочется», (вечеромъ) «Борьба за существованіе», «Гувернантка», 6-го—«Бѣдность не порокъ», «Мадамъ Санъ-Женъ», 7-го—«Бѣшеныя деньги», «Вечеръ въ Сорренто» (бенефисъ Е. Я. Недѣлина), 8-го—«Темная сила», «Любовное зелье», 9-го—«Фромонъ младшій и Рислеръ старшій», «Запутанное дѣло», 10-го—(въ бенефисъ М. М. Нежданова)—«На хлѣбахъ изъ милости», «Вѣчность изъ мгновенья», 12-го (утромъ)—«Мадамъ Санъ-Женъ», (вечеромъ) «Иванова», «Ніобея», 13-го—«Горькая судьбина», «Послѣ думскаго засѣданія», 14-го—(бенефисъ М. И. Свободиной-Барышевой). «Защитникъ», «Изъ-за мышенка», 15-го «Татьяна Репина», «Старое старится», 16-го—«Міpская вдова», «Дама самъ третей», 17-го (бенефисъ А. И. Каширина)—«Дядя Ваня», «Фофанъ», 19-го (утромъ)—«Недоросль» (вечеромъ)—«Два подростка», 21-го (бенефисъ Ж. Г. Агаревой-Нисаровой), «Денница», «Каково вѣется», 22-го (утромъ)—«Бѣдность не порокъ», (вечеромъ)—«Выгодное предпріятіе», «Предложеніе», 23-го—«Трильби», 24-го—(бенефисъ І. П. Гарина) «За наслѣдство», «Собака садовника», 26-го—«Графъ де Резоръ», «Много шуму изъ пустяковъ», 27-го—«Потонувшій колоколъ», «Азъ и Фертъ», 28-го (бенефисъ О. А. Голубевой)—«Лѣсъ», «Которая изъ двухъ», 29-го—«Елизавета Николаевна», «На рельсахъ», 30-го—«Вѣра Иртеньева». «Невѣрная», 31-го—(бенефисъ А. А. Агарева)—«Горе-злосчастье», «Медвѣдь», 2-го ноября (утромъ) «Мѣщанинъ-дворянинъ», «Босоножка» (вечеромъ) «Два подростка», «Дачный женихъ», 3-го—«Трильби», «Дорогой поцѣлуй», 4-го (бенефисъ И. Д. Рыбчинской) «Дамская война» и «Лакомый кусочекъ»—ком. В. А. Крылова.

Готовятся къ постановкѣ: «Зимняя сказка» Шекспира, «Идеальная жена»—Прага, «Мышеночекъ»—Пальерона, «Безумцы»—Михеева, «Съ лѣвой руки»—Тарновскаго, «Новое дѣло»—Н.-Данченко, «Грѣшница»—Пальма и «Джентльменъ»—ком. Сумбатова. *И.*

ЖИТОМІРЪ. 5-го ноября въ здѣшнемъ городскомъ театрѣ состоялся послѣдній спектакль товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Любова. Отсюда товарищество переѣхало въ Минскъ, помѣнявшись театрами съ товариществомъ оперныхъ артистовъ, съ гг. Измайловымъ и Шейнымъ во главѣ. Не смотря на нѣкоторое пристрастіе житомірской публики къ оперѣ, драма пользовалась здѣсь въ этомъ году серьезнымъ успѣхомъ. Объясненіе этого слѣдуетъ искать въ удачномъ составѣ труппы, а также въ репертуарѣ. Ставились пьесы, по преимуществу, новыя, не шедшія ни разу въ здѣшнемъ театрѣ, какъ напр., «Право любить», «Чужіе», «Защитникъ», «Жизнь», «Старый закалъ», «Отравленная совѣсть», «Титулованный зять», «Питомка» и друг. Изъ артистовъ значительнымъ успѣхомъ пользовались г-жи Токарева и Дарагань и гг. Любовъ и Завадскій. Въ качествѣ очень полезныхъ артистовъ необходимо отмѣтить г-жу Ратановскую и гг. Шамардина и Загорянскаго.

7-го ноября открылись оперные спектакли постановкой «Аиды». Составъ опернаго товарищества слѣдующій: О. П. Покассовская—драматическое сопрано, Е. М. Яновская-Измайлова—лирическое сопрано, Р. О. Шпигель—колоратурное, Л. И. Лидина и А. В. Кравецъ—мецо-сопрано, Ф. А. Опустовичъ—драматическій теноръ, Д. И. Чебановъ-Лавровъ—лирическій теноръ, С. Г. Буховецкій (б. артистъ императорскихъ театровъ) и Д. Д. Коросташевскій—баритоны, Г. П. Измайловъ, В. М. Сапгурскій и Г. Я. Шейнъ—басы. Капельмейстеръ К. І. Новицкій, хормейстеръ Гольдштейнъ, режиссеръ Муравскій. Балетъ—г-жи Джульета Фальеръ, Сакъ и Шрицъ. Предполагаются къ постановкѣ, между прочимъ такія оперы, какъ «Игорь», «Дубровскій», «Рогнѣда», «Лоэнгринъ», «Тангейзеръ». Безъ сомнѣнія, если товарищество не будетъ усѣщать своего репертуара избитыми и устарѣвшими вещами, успѣхъ его можно считать обезпеченнымъ. *М. Дж.*

ВЛАДИМІРЪ. Изъ числа 11-ти, приглашенныхъ на нынѣшній сезонъ профессіональныхъ артистовъ, безусловно пальма первенства принадлежитъ женскому персоналу; А. Я. Отрадина (героиня), Я. А. Стальская (драм. ingenue) и О. В. Надеждина (комич. ingenue и водевильн.),—несомнѣнно даровитыя исполнительницы, съ искрою священнаго огня. Что же касается до мужскаго персонала, то ни на одномъ изъ его представителей не приходится останавливаться, въ виду незначительности и сомнительности ихъ способностей и дарованій, не смотря на несомнѣнную добросовѣстность и рвеніе. Нѣсколько выдѣляется только П. П. Вейнбергъ (герой-резонеръ) и А. А. Разинъ (комикъ-буфъ), очень еще молодыя силы, почти впервые выступающія на драматическомъ поприщѣ.

Пробѣлъ этотъ, однако, пополняется гг. членами любителями, во главѣ съ Л. И. Яманомъ, Н. А. Александровичемъ, Н. Н. Андроичемъ и П. А. Сурскимъ и друг. Благодаря ихъ участію спектакли проходятъ съ ансамблемъ и въ большинствѣ съ выдающимся успѣхомъ.

Нѣкоторые упрекаютъ дирекцію нашего кружка за относительно слабый составъ труппы въ этомъ сезонѣ. Однако, необходимо войти въ положеніе дирекціи кружка: прошлый годъ далъ кружку 800 р. убытку. *К. Томасъ.*

НИКОЛАЕВЪ. Труппа Аярова подвизается у насъ больше мѣсяца и вполнѣ опредѣлилась. Не выдѣляясь талантами, труппа все же можетъ быть названа вполнѣ удовлетворительной. Спектакли идутъ съ ансамблемъ, режиссерская часть хороша. Г. Ивановскій, видно, дѣльный режиссеръ. Дѣло, кажется, недурныя. За репертуаръ можно сдѣлать упрекъ, об-

щій, впрочемъ, большинству нашихъ театровъ,—это погоня за новинками, безъ критическаго къ нимъ отношенія. Въ репертуаръ попалъ и «Старый закалъ», и «Романтики» и т. п. «Графъ де Ризооръ» прошелъ для нашей сцены сравнительно удовлетворительно, однако можно было-бы ожидать лучшаго при другомъ распредѣленіи ролей; лучше другихъ была г-жа Шателенъ въ роли Долоресъ. Изъ артистовъ наибольшимъ успѣхомъ пользуются: г-жа Шателенъ, гг. Тробицкій, Красовъ, Ляровъ, Мартыновъ.

РЕПЕРТУАРЪ
Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 24-го по 1-е ноября 1897 г.

Александринскійтеатръ. *Понедѣльникъ, 24-го ноября:* «Защитникъ», драма.— *Вторникъ. 25-го ноября:* «Мірская вдова», драма.— *Среда, 26-го ноября:* Безплатный спектакль для гг. георгіевскихъ кавалеровъ. «Правда—хорошо, а счастье лучше,» ком.—*Четвергъ, 27-го ноября* «Въ новой семьѣ», драма.—*Пятница, 28 ноября:* «Безприданница», драма.— *Суббота, 29-го ноября:* Нѣмецкій спектакль труппы берлинскаго Лессингъ театра.— *Воскресенье, 30 ноября:* Утромъ: «Ревизоръ», ком. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Венеціанскій купецъ», траг.

Михайловскій театръ. *Понедѣльникъ, 24-го ноября:* «Le mari de la débutante», com. (Abonn. suspendu).— *Вторникъ, 25 ноября:* «Le mari de la débutante». com. (1-er abonn.. spect. № 11).—*Среда, 26-го ноября:* «Германія», драма.—*Четвергъ, 27-го ноября:* «Le mari de la débutante», com. (2-ème abonn., spect. № 11).—*Пятница, 28-го ноября:* «Германія» драма.— *Суббота, 29-го ноября:* Bénéfice de m-elle Jeanne Malvau. «L'invitée» com.-nouv. (Abonn suspéndu). — *Воскресенье, 30-го ноября:* «Севильскій цирюльникъ», опера (г-жа Мравина; гг. Чупрынниковъ, Тартаковъ, Фрей, Серебряковъ и др.).

Маріинскій театръ. *Понедѣльникъ, 24-го ноября:* «Фра-Діаволо», опера (г-жи Михайлова, Каменская; гг. Фигнеръ, Карелинъ, Титовъ. Стравинскій, Фрей и др.) (6-е представленіе 1-го абонемента).—*Вторникъ, 25-го ноября:* «Ромео и Джульетта», опера (г-жи Больска, Фрида; гг. Ершовъ. Смирновъ. Шароновъ, Серебряковъ, Фрей и др.).—*Среда, 26-го ноября:* «Опричникъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Славина, Долина; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Серебряковъ и Майборода, (5-е представленіе 3-го абонемента) *Четвергъ, 27-го ноября:* «Русланъ и Людмила», опера (г-жи Михайлова, Рунге, Славина; гг. Чупрынниковъ, Морской, Шароновъ, Стравинскій, Фрей). (Не въ счетъ абонемента). —*Пятница, 28-го ноября:* «Фра-Діаволо», опера (г-жи Мравина, Фрида; гг. Морской, Карелинъ, Титовъ. Стравинскій, Фрей и др.).— —*Воскресенье, 30-го ноября:* «Конекъ-Горбунокъ», балетъ (г-жа Пьерина-Легьяни) (17-е представленіе абонемента).

Справочный отдѣлъ.

З. В. Алферова (окончившая школу Императ. театральную) предлагаетъ свои услуги на роли ingénue drama и водевильной, безъ пѣнія. Адресъ: Черная рѣчка. Головинская ул., № 19.

Предлагаютъ свои услуги на разовыхъ:

Ланинъ С. Я Суфлеръ. Литейный. пр., д. 29, кв. 8.

Ронскій, Николай Сергѣевичъ. Резонеръ, фатъ и холодный любовникъ. Фонтанка д. № 144, кв. 46.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. Тимоѳеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

XI-й годъ изданія. **„СѢВЕРЪ“** XI-й годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

выходящій подъ редакціей А. А. Корнфскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ печататься произведенія М. Н. Альбова, А. В. Амфитеатрова, С. А. Андреевскаго, К. Д. Бальмонта, К. С. Баранцевича, А. И. Будищева, И. А. Бунина, П. В. Быкова, Л. Е. Вейнберга, В. А.Велички, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, И. Г. Гнѣдича, П. А. Гоффштеттера, П. И. Доброгорскаго, С. Д. Дрожжина, Я. Е. Егорова, А. Е. Зарина, А. И. Коптяева, А. В. Круглова, Вл. А. Кускова, В. П. Лебедева, В. С. Лихачева, М. А. Лохвицкой, А. А. Лугового, К. А. и С. В. Максимова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. М. Медвѣдева, Н. М. Минскаго, Д. Л. Михаловскаго, В. М. Михеева, проф. Н. А. Орлова, И. А. Панова, П. Ѳ. Порфирова, И. Н. Потапенки, М. П. Пылаева, гр. Е. А. Салиаса, В. Я. Свѣтлова, К. К. Случевскаго, Ф. А. Соллогуба, Ѳ. К. Сологуба, проф. Н. В. Сорокина, Вл. А. Тихонова, Л. Н. Трефолева, кн. Э. Э. Ухтомскаго, К. М. Фофанова, Ѳ. В. Черниговца, Ант. П. Чехова, О. Н. Чюминой, И. Л. Щеглова и другихъ писателей.

Въ 1898 году подписчики журнала „Сѣверъ“ получатъ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ съ цвѣтными рисунками извѣстныхъ русск. и иностран. художн. **12 №№**

52 №№ еженедѣльной газеты **„СѢВЕРЪ“** (въ форматѣ газети. листа убористой печати).

12 томовъ „БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА“, каждый томъ объемомъ отъ 160 до 240 страницъ плотнаго шрифта, въ которыхъ будетъ дано

Собраніе новѣйшихъ романовъ ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА

1) **„БЕЗЪ ДОГМАТА“**, 2) **„СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ“**, 3) **„QUO VADIS?“ (Камо грядеши?)**, 4) **„КРЕСТОНОСЦЫ“**. Этими романами знаменитый писатель создалъ себѣ въ всемірной литературѣ громкое имя. Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“,** со множествомъ рисунковъ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ **ПАРИЖСКИХЪ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.**

12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, дамскихъ рукодѣлій, монограммъ, съ поясн. текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ.

12 №№ ежемѣс. журн. **„ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“,** въ которомъ даются совѣты и указанія, необходимыя для хозяйства и домашняго обихода.

КРОМѢ ВСЕГО ЭТОГО, ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ **„СѢВЕРА“** ПОЛУЧАТЪ **БЕЗПЛАТНО**

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ.

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) **пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ.** Литературно-художественная цѣнность этой *главной на 1897 г. преміи журнала „Сѣверъ“*, выпустившаго уже самые художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится внѣ всякаго сомнѣнія.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями:

6 РУБ. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. | **7** РУБ. съ достав. и перес. во всѣ города Россіи, заграницу на годъ 11 р.

На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
„ 3 „ „ „ „ 1 „ 75 „
„ 1 „ „ „ „ — „ 60 „

Подписка адресуется въ Глав. конт. журн. „Сѣверъ“ (Спб., Екатерининская. 4) на имя издателя Н. Ѳ. Мертца.

Безплатныя библіотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія школы и училища, городскіе и сельскіе учители и учительницы, сельскіе священники, дьяконы и церковнослужители, служащіе въ земскихъ и частныхъ аптекахъ фармацевты и полостныя правленія **пользуются исключительнымъ правомъ получать журналъ „Сѣверъ“**, со всѣми къ нему приложеніями и преміями, **на особо-льготныхъ условіяхъ**, а именно: за 5 руб. съ доставкой и пересылкой. Подписка на льготные экземпляры принимается **исключительно въ Главной конторѣ журнала „СѢВЕРЪ“** (Спб Екатерининская, 4) и **не иначе, какъ на** годичный срокъ, безъ права передачи другимъ лицамъ или учрежденіямъ. (3—1)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1898 г.

НОВЬ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1898 г.

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній

за 14 рублей

безъ всякой доплаты за пересылку премій, **подписчики „НОВИ“ получаютъ въ 1898 году**, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія шесть изданій:

1) Журналъ „**НОВЬ**“ 24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Особый иллюстрированный отдѣлъ „**МОЗАИКА**“ (24 выпуска), составляющій какъ-бы самостоятельный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „**Литературные СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА**“ (отдѣлъ для семейнаго чтенія) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ романовъ и повѣстей.

4) Восемь переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій П. И. Мельникова (**Андрея Печерскаго**).

5) Четыре переплетенные тома полнаго собранія сочиненій **ВЛ. ИВ. ДАЛЯ** (Казака Луганскаго).

6) Двѣ роскошно переплетенныя книги, формата in-folio, „**ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ**“, посвященныя описанію **Москвы** и Москов. промышлен. обл.

Первый нумеръ новаго XIV (1898) подписного года выйдетъ 15 декабря 1897 года.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за всѣ вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за перес. и дост. безплатныхъ премій. За границу— **24** рубля.

14 РУБ.

Разсрочка платежа допускается, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2** руб.; остальныя же деньги могутъ высылаться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ **14** руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Къ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ не получавшихъ „НОВИ“ въ 1897 году.

Лица, не состоявшія подписчиками „НОВИ“ въ 1897 году и не имѣющія еще первой половины СОЧИНЕНІЙ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО и первой половины СОЧИНЕНІЙ В. И. ДАЛЯ, могутъ, подписываясь на „НОВЬ“ въ 1898 году, получить первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій А. Печерскаго и первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій В. И. Даля, вмѣсто томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 году, прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерскаго, такъ и В. И. Даля, будетъ выдана этимъ новымъ подписчикамъ въ 1899 году, въ чемъ редакція теперь же и принимаетъ передъ ними обязательство.

Новые подписчики на „НОВЬ“ 1898 года, т. е. лица, не бывшія подписчиками на журналъ въ минувшемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. **26**-ти рублей, вмѣсто 14-ти руб., могутъ получить въ 1898 г.:

всѣ 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Андрея Печерскаго и всѣ 10 томовъ полнаго собранія сочиненій В. И. Даля,

а также и тѣ двѣ переплетенныя книги „Живописной Россіи“, которыя выдавались подписчикамъ въ 1897 году; значитъ, вмѣсто двухъ книгъ „Живописной Россіи“, они получатъ четыре переплетенныя книги этого изданія и, вмѣсто 12 томовъ сочиненій А. Печерскаго и В. И. Даля, 24 тома.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи „НОВИ“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

Подробныя объявленія о подпискѣ и условіяхъ разсрочки платежа высылаются изъ Главной Конторы редакціи журнала „Новь“ (С.-Петербургъ, Вас. Остр. 16 лин., д. № 5—7) по востребованію **безплатно**. (3—1)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 Г.

на театрально-музыкальную и литературно-художественную газету

„Театральныя Извѣстія“

Изданія годъ пятый.

Четырехъ-лѣтній періодъ изданія газеты указалъ намъ на тѣ требованія, какія предъявляются читающей публикой къ изданію посвященному вопросамъ искусства. Стараясь по мѣрѣ силъ и возможности удовлетворить этимъ требованіямъ мы создали органъ одинаково отзывчивый какъ къ столичной художественный жизни, такъ и къ нуждамъ провинціи. Съ этой цѣлью мы заручились собственными корреспондентами почти во всѣхъ крупныхъ городахъ нашего отечества, сообщеніямъ которыхъ удѣляемъ значительное мѣсто въ каждомъ номерѣ. Въ теченіе года на столбцахъ нашей газеты печатается больше 100 портретовъ сценическихъ дѣятелей столичныхъ и провинціальныхъ сценъ. Беллетристки печатается въ газетѣ отдѣльными листами, такъ что по истеченіи года составляются объемистые тома романовъ, повѣстей и разсказовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы всегда знакомили читателей съ тѣмъ, что появляется въ общей и спеціальной печати по вопросамъ искусства. Также особенное вниманіе обращено нами на внѣшность газеты, которая выходитъ теперь въ форматѣ еженедѣльныхъ изданій, давая ежедневно литературнаго матеріала около 1500 строкъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой . . . . **4** р.

Подписавшіеся до 15 декабря получаютъ газету со дня подписки безплатно.

Редакція и контора, Москва, Тверская, домъ Полякова. (3—1)

„РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ предстоящемъ 1898 году вступаетъ въ **XXX**-й годъ своего существованія. „Рижскій Вѣстникъ“, газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, разсматривая явленія мѣстной жизни съ русской государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ Имперіею.

Русскія начала постепенно утверждаются въ Прибалтійскомъ краѣ, русское общество возрастаетъ; соотвѣтственно тому, расширяются и усложняются и задачи мѣстной русской печати. Побуждаемая расширеніемъ круга читателей и внутреннимъ ростомъ изданія, подъ вліяніемъ котораго настоящія рамки его становятся тѣсны, редакція приняла мѣры, чтобъ съ 20 декабря 1897 г. „Рижскій Вѣстникъ“ выходилъ въ значительно увеличенномъ форматѣ, причемъ, конечно, будетъ соотвѣтственно разнится и содержаніе газеты. Это расширеніе изданія не требуетъ никакихъ жертвъ отъ читателей, такъ какъ подписная плата остается прежняя.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, вечеромъ. Редакціей приняты мѣры къ тому, чтобъ газета была отправляема иногороднымъ подписчикамъ съ почтами, отходящими въ день выхода номера газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ пересылки и доставки:		Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ.	
На годъ .	6 руб. — коп.	На годъ	8 рублей
„ полгода .	3 „ — „	„ полгода . .	4 „
„ 3 мѣсяца.	1 „ 50 „	„ 3 мѣсяца . .	2 „
„ 1 мѣсяцъ.	— „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ . .	1 „

Для учителей **сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края** подписная цѣна: съ пересылкой на годъ **ПЯТЬ** руб. и на полгода **ТРИ** руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ. (3—1).

За границу на годъ **14** руб., на полгода **7** руб., 3 мѣсяца **3** руб. **50** коп., 1 мѣсяцъ **1** руб. **75** коп.

Подписка принимается:

въ конторѣ редакціи, **въ Ригѣ, на углу больш. и малой Грѣшной ул., д. Лившица № 27/2.**

Редакторъ *Л. П. Витвицкій.*

На издающуюся въ г. Казани большую ежедневную общественную, литературную, политическую и торгово-промышленную газету

„КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ“

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія. Для достиженія намѣченной цѣли „Камско-Волжскій Край“ неуклонно стремится къ изученію жизни Поволожья и Востока Россіи въ историческомъ, культурномъ, экономическомъ, бытовомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, озаботившись привлеченіемъ для этого сотрудниковъ изъ среды лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ областной прессы. Имѣются собственные корреспонденты во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ края.

Подписная плата: для городскихъ подписчиковъ безъ доставки: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 60 к. Съ доставкой на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 75 к. Для иногородныхъ подписчиковъ: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ Редакціи (Казань, Лобачевская ул., д. Трубникова. Телефонъ № 366. Иногородніе адресуютъ: **Казань, редакція „Камско-Волжскаго Края“.**

За редактора профессоръ Н. П. *Загоскинъ.*

Издательница С. Г. *Дьяченко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 Г.

XIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. II-й г. изд. Н. Н. Животова.

„ЗВѢЗДА“

Изданіе **Н. Н. Животова.**

„ЗВѢЗДА“ выходитъ **каждое воскресенье** въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ иллюстраціями.

„ЗВѢЗДА“ даетъ **каждый мѣсяцъ** большой томъ романовъ. Всѣхъ 12 книгъ въ годъ до 200 печ. листовъ каждая.

„ЗВѢЗДА“ даетъ преміи и приложенія.

„ЗВѢЗДА“ издается Н. Н. Животовымъ, авторомъ романовъ: „Микарка Душегубъ“, „Цыганъ Яшка“, „Игнатка Горюнъ“, „Цвѣтъ Власъ“ и т. д. Очерковъ: шесть дней на ваточныхъ коллахъ, шесть дней бродяжкой, официантомъ, факельщикомъ и т. д. Н. Н. Животовъ печаталъ статьи **ежедневно** въ „Новостяхъ“ (съ 1879 по 1889 гг.), газетѣ „День“ (съ 1889 по 1893 г.) „Петербургскомъ Листкѣ“ (съ 1893 по 1896 г.) и „Петербургской Газетѣ“ (1897 г.). Издавши нынѣ свой органъ, г. Животовъ всецѣло посвящаетъ ему свои силы.

„ЗВѢЗДА“ для многихъ можетъ замѣнить ежедневную газету, и кромѣ того даетъ возможность въ нѣсколько лѣтъ составить цѣнную библіотеку.

„ЗВѢЗДА“ даетъ 12 книгъ, стоющихъ въ отдѣльной продажѣ дороже подписной цѣны, такъ что самый журналъ подписчики имѣютъ **ДАРОМЪ.**

Подписная цѣна въ годъ 6 руб. на мѣсяцъ 50 коп., отдѣльные №№ у газетчиковъ по 5 коп., отдѣльныя книги въ продажѣ по 50 к. (3 -1)

Редакція: С.-Петербургъ, Кабинетская ул., № 22.

Подписываться можно открытымъ письмомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„ОСКОЛКИ“

XVIII годъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступая въ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1898 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1897 году.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться на легкой и живой формѣ: карикатурами, юмористическими стихами, фельетонами, очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются чистью черными, чистью ВЪ КРАСКАХЪ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		**БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:**	
На годъ	9 руб.		
На полгода	5 „	На годъ	8 р. —
На три мѣсяца . . .	3 „	На полгода . . .	4 „ 50
За границу на годъ .	10 „		
„ „ „ ½ года .	6 „	На три мѣсяца . .	2 „ 50

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ **Главной Конторой журнала „Осколки“.**

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-Издатели: **Н. Лейкинъ и Р. Голине.**

(3—1).

ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“.

Цѣна за полгода 3 р.

Подписка принимается только на второе полугодіе.

С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Изданіе В. БЕССЕЛЬ и К°

С.-Петербургъ. Невскій, 54.

Москва, Петровка, 12.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ:

НОВѢЙШАЯ ФОРТЕПІАННАЯ ШКОЛА

Эм. Бреслауръ.

Директоръ Берлинской консерваторіи.

Часть 1-я ц. 2 р. 25 коп.

№ 114 (12—5)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

А. ІОГАНСЕНА.

Невскій просп. № 50, рядомъ съ Пассажемъ.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

Боровна, І. Основы фортепіанной техники. Собраніе гаммъ и орнеджій тетр. I (1 р. 50 к.), II (1 р. 20 к.).

Brahms, J. 51. Exercices (2 тетради, каждая 1 р. 15 к.).

Всѣ дешевыя и педагогическія изданія.

№ 112) 13 - 5)

1897 года.

Поступили въ продажу въ театральной библіотекѣ

С. Ѳ. РАЗСОХИНА,

СЛѢДУЮЩІЯ ПЬЕСЫ:

„Сила любви и крови“ комедія въ 4 д. соч. **П. Л. Новикова,** главныя роли: Драматической героини, энженю и комической старухи, характернаго любовника, драматическаго резонера, фата и комика.

„Манонъ-Леско“ (Изгнанница) драма въ 3 д. соч. **Габоріо,** *пер. П. Л. Новикова,* сюжетъ взятъ изъ знаменитаго романа **Аббато Прево.** Главныя роли: Драматической молодой актрисы или характерной энженю, сильнаго любовника, молодого характернаго актера, простака, комика и фата.

„Горе побѣжденнымъ“ комедія въ 3 д., соч. Рихарда Фосса, пер. П. Новикова. Изъ жизни Наполеона I. Д. I. **Бѣгство Наполеона I съ остр. Эльбы;** Д. II. **Покушеніе на жизнь Наполеона I,** Д. III **Отправленіе на остр. Св. Елены. Пьеса пользуется громаднымъ успѣхомъ за границей** и съ таковымъ-же была исполнена на сценѣ **Императорскаго Михайловскаго театра,** гдѣ роль Наполеона I исп. знаменитый артистъ Зуске. Главныя роли: Драматической героини, Наполеона I, сильнаго героя-любовника и резонера.

„За честь семьи“ комедія въ 3 д. съ французскаго Э. Ожье (Avanturière) пер. П. Л. Новикова. Главныя роли: Драматической героини, энженю, характернаго молодого актера, характернаго простака, комика-резонера, резонера-любовника.

„Вдовушка-вампиръ“ фарсъ въ 2 д. соч. П. Л. Новикова. Главныя роли: кокетки, любовника, комика и простака.

„Кокетка“ фарсъ въ 2 д. соч. П. Л. Новикова. № 123 (4—1)

Изданіе С. Ѳ. Разсохина, Москва Тверская-Георгіевскій.

Также можно получать въ библіотекѣ П. Волкова-Семенова. Петербургъ, Троицкій пер.

У Автора: Петербургъ, Офицерская ул. д. 50 кв. Огроновичъ П. Л. Новикову.

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к.,

„Водоворотъ“ В. Авсѣенко. Ц. 1 р. 50 к.

„Катастрофа“ А. Будищева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к.

„Накануне“ А. Плещеева. Ц. 60 к.

„Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к.

„Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к.

„Ночью“ шутка Немвродова 50 к.

„Монсикъ“, шутка въ 1 д. Б. Бентовина. Ц. 50 к.

„Вѣра Иртеньева“. др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой 1 р. 50 к.

„Трудовой день“, ком. въ 1 д. Ц. 60 к.

„Облачко“. Ц. 60 к.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку ничего не платятъ. При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

ВАЖНО ДЛЯ Г-жъ АРТИСТОКЪ.

Платья по послѣднимъ парижскимъ и вѣнскимъ журналамъ. Заказы исполняются въ 24 часа. Цѣны умѣренныя. Литейный пр., д. 15, кв. 2. Бель-этажъ противъ Главнаго Казначейства.

(30—23)

На Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 года удостоены

ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА

БРАТЬЯ Р. и А. ДИДЕРИХСЪ

СТАРѢЙШАЯ ФАБРИКА

РОЯЛЕЙ и ПІАНИНО

Основанная въ 1810 году. — С.-Петербургъ, Владимірская, 8.

Рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы

Рояли въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 550 р.

Піанино въ 550, 500 и 450 р.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 111 (13—7)

Я УПОТРЕБЛЯЮ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ

для рощенія волосъ и противъ перхоти на головѣ.

При покупкѣ Элеопата просимъ требовать только

ЭЛЕОПАТЪ

КИНУНЕНЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна флакону 1 р. 50 к., съ пересылкою въ Европ. Россію 2 руб.

Подробное наставленіе о способѣ употребленія находится при каждомъ флаконѣ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Адресъ для писемъ: *Петербургъ, провизору Кинунену, Демидовъ пер., д. № 1.*

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ДЛЯ НѢЖНОСТИ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ

• МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ •

вазелиновое туалетное.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе почтеннѣйшей публики, что въ продажѣ существуетъ много сортовъ вазелиноваго мыла, въ большинствѣ случаевъ сходныхъ по внѣшнему виду съ нашимъ мыломъ, но качествомъ своимъ ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, почему и просимъ, желающихъ имѣть настоящее вазелиновое мыло, требовать всегда **„МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ“** съ торговой маркой на каждомъ кускѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Цѣна за кусокъ 30 коп.
Коробка въ 6 кусковъ 1 руб. 50 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ, С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 120 (20—

Танцы бальные и характерные

преподаютъ всякому возрасту.

В. ДАВИНГОФЪ

и учительница для взрослыхъ. Спеціальная метода.

Б. Морская, 30. № 103 (12 - 10)

Фридрихъ Мундингеръ

ПРОДАЖА И ПРОКАТЪ

РОЯЛЕЙ и ПІАНИНО

собственной и разныхъ фабрикъ

по умѣреннымъ цѣнамъ

Спб. Невскій, 53. № 113 (12—7)

Въ книжныхъ магазинахъ *„Новаго Времени“* и въ московской театральной библіотекѣ *Разсохина* поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

СБОРНИКЪ ПЬЕСЪ

Александра Плещеева.

Наканунѣ. Среди свѣтовъ. Гость. Ужинъ. Въ ссудной кассѣ. Авторъ. Слишкомъ много цвѣтовъ. Послѣ маскарада. Проснулось. Покойной ночи. Проказница. Я люблю его. Глухой тетеревъ. Застрахованныя жены. Пять рублей награжденія.

2-е дополненное изданіе.

Цѣна 2 рубля. № 122 (3 - 3).

Книгопродавцевъ просятъ обращаться въ магазинъ *„Нов. Времени“*.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

№ 109 (12—8)

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 15 Ноября 1897 г. Типографія Я. И. Либермана, Фонтанка, 86.